

18+

Светлана Кулакова

Полукровка

SolidBook.ru
тематическое издательство

Annotation

Действие романа происходит в Северной Америке периода колонизации. Городская жительница Кэтлин Браун вместе с детьми приезжает на ферму к своему дяде, живущему в опасном соседстве с местными племенами апачей. Долгое путешествие становится лишь началом череды испытаний, ожидающих её на новом месте. Женщине предстоит узнать все тяготы жизни, которые ждут белых переселенцев на бескрайних равнинах прерий. Неожиданно её помощницей становится загадочная индианка Мия. Вместе они осваивают скудную на урожай землю, сталкиваются с бандитами и посещают стойбище индейцев.

На фоне необычных приключений развиваются отношения главных героинь. На смену враждебности и настороженности постепенно приходят доверие и дружба, которые приносят с собой новые трудности. Поймут ли героини настоящие чувства, которые связывают их, вот в чём вопрос.

Посвящаю книгу моим родителям и моей половинке.

*Благодарю моих первых читателей за честные отзывы,
которые помогли мне сделать книгу лучше.*

Когда слева от дороги раздался громкий треск, Кэтлин насторожилась, вглядываясь в сгущающиеся сумерки. Скорее всего, просто дерево сильно накренилось от ветра. Но вечерами женщина боялась любых резких звуков. Вдруг что-то мокрое и холодное ударило её по лицу. От неожиданности она вскрикнула и отпрянула в сторону вместе с поводьями, которые держала в руках. Слава богу, уставшие лошади не отреагировали на это движение и размеренно продолжили тянуть повозку вперёд, перемешивая копытами грязь от вновь начавшегося дождя. Всего лишь ветка. Кэтлин почувствовала, как холодные капли с листьев стекают по её шее на грудь. Она ужасно промёрзла от постоянной измороси, руки одеревенели, лицо превратилось в неподвижную маску, прячущуюся под капюшоном. Но тело под одеждой всё ещё сохраняло тепло. Женщина снова всмотрелась в быстро темнеющую чащу леса и поняла, что пришло время искать место для ночлега.

— Мама, что-то случилось?

Из повозки показалось взволнованное лицо девочки лет тринадцати. По впалым щёкам и нездоровому цвету кожи можно было без слов судить о её скудном питании.

Кэтлин ответила не сразу, собираясь с силами, чтобы придать себе хоть какое-то подобие уверенности, пока следом не появилось ещё одно бледное лицо, принадлежащее маленькому мальчику. Оба ребёнка были очень похожи на свою мать: те же светло-голубые глаза и белокурые волосы, такие же впалые щеки.

— Мама... — только и смог произнести он, вложив в этот незавершённый вопрос весь свой страх и одновременно надежду.

Измождённые лица детей больше всего пугали Кэтлин. С каждым днём они казались ей всё более худыми и бледными. Всякий раз при взгляде в уставшие глаза она читала в них молчаливый вопрос — долго ли им ещё ехать. И потому женщина поспешила их успокоить:

— Всё хорошо, милые. Мама просто испугалась мокрой ветки. Скоро мы остановимся на ночлег. Ехать ночью может быть опасно. Я...

Не успела она договорить, как ощутила резкий толчок вперёд и едва успела ухватиться за поручень. Хорошо ещё, что лошади ехали медленно. Кэтлин практически сразу поняла, в

чём дело. За последние три дня они уже не раз вытаскивали телегу из густой жижи, в которую превратилась дорога. Всё это ужасно выматывало и без того уставших путников и животных. Зря они всё-таки не поехали раньше, до начала дождей.

Кэтлин привстала на козлах и осмотрела небольшое возвышение слева у дороги. Кроны деревьев удачно прикрывали его от дождя. Оно идеально подходило для ночной стоянки. Определившись с местом, женщина решительно сошла в грязь, чтобы понять, какое же колесо застряло на этот раз. Глубже всего увязло левое заднее. Хорошо, что у них было ещё не так много вещей, в основном одежда, книги и остатки провизии. Но и сама повозка оказалась довольно тяжёлой. Чтобы вытащить её, требовалось приложить все возможные усилия.

— Ребята, надо помочь нашим лошадам! — крикнула Кэтлин, оглядываясь по сторонам в поисках подходящих веток. — Майкл, Габриэль, несите вон те два бревна. Положим их под колёса.

Дети нехотя выбрались из своего тёплого сухого укрытия и потрусили в лес. Заметно уставшие, они понимали, что матери нужна их помощь.

Мокрая тяжёлая древесина грузно ушла в грязь перед колёсами.

— Ноооо! Нооооо!!!

В такой ситуации женщина не боялась, что лошади могут убежать от неё, поэтому вместе с детьми из последних сил навалилась на повозку в попытке вытолкнуть её из грязевой ямы.

— Ещё немного, милые мои! Ещё чуть-чуть.

Ноги упрямо проскальзывали на месте, не чувствуя под собой твёрдую почву, холодное месиво из-под колёс липло к одежде и лицу, но никто не обращал на это никакого внимания. Необходимо было срочно выбираться, пока повозка не увязла окончательно. Казалось, прошло немало времени, прежде чем Кэтлин услышала громкое хлюпанье и увидела, что повозка начала поддаваться.

— Ноооо! Нооооо!!! — ещё раз закричала она взбодрившимся голосом.

Едва почувствовав, что груз стал легче, лошади снова потащили его вперёд, медленно передвигая уставшие ноги. Кэтлин помогла детям запрыгнуть внутрь повозки, сама забралась на козлы и дрожащими от перенапряжения руками вновь взяла поводья. Глубокий медленный вдох помог ей немного успокоиться. Оставался последний рывок — и они, наконец, смогут отдохнуть.

Под густыми деревьями дождь почти не ощущался. Женщина расседлала лошадей, тряпкой вытерла с них грязь и дала немного зерна, укрыв от ночного холода тонким покрывалом и плащами. Она не могла позволить себе лишиться единственной помощи в этой тяжёлой и долгой дороге. Когда она вернулась к повозке, дети уже принесли ветки для костра и сложили их для просушки. Хорошо, что с последней стоянки они предусмотрительно прихватили с собой немного сухого хвороста на такой случай. После затянувшегося дождя он оказался для них настоящим спасением. Кэтлин достала мешок с продуктами и вынула из него крепко завернутые спички. Бережно развернув кулёк, она достала одну и искусно разожгла с её помощью огонь. Остальные следовало поберечь до новых привалов. Возможно, дальше они будут менее удачливы, особенно, если учесть, что сухих спичек осталось всего четыре штуки. Второй коробок напрочь отсырел. Не хотелось думать о грустном, но этого числа хватало в обрез для намеченного ею количества стоянок. Сперва женщина предполагала, что до фермы дяди они доберутся намного быстрее. Однако

дождливая осенняя погода всё испортила — и вместо быстрого путешествия по сухим дорогам они шли уже четвёртую неделю, делая привалы только на сон и отдых. Следовало поторопиться, чтобы не застрять навсегда в этой глухой местности. Случись что — помощи ждать было неоткуда. Случайных путешественников Кэтлин предпочитала избегать. Одинокая женщина с детьми могла стать лёгкой добычей для любого бандита. По этой причине отцовский револьвер на всякий случай всегда был у неё под рукой, а точнее под юбкой.

— Ну что, проголодались?! — спросила Кэтлин как можно громче, надеясь хоть немного приободрить Майкла и Габриэль. В последнее время ей казалось, что дети были постоянно голодными. И она знала почему. Еды оставалось всё меньше: сухари начали плесневеть от сырости, вяленое мясо и крупы подходили к концу. Она старалась незаметно сократить порции, урезала свою. Но запасы провизии всё равно заканчивались. Женщина выгребла из мешочка немного маисовых зёрен для каши. Остатка должно было хватить ещё на один-два раза. А там, дай бог, они уже и приедут.

Когда огонь разгорелся, в лесу стало совсем темно. Дети присели между пламенем и повозкой, используя её как естественную преграду от косога дождя. Тепло разморило их тела, но не могло усыпить. Пустые желудки постоянно напоминали о себе всё более частым урчанием. Детские глаза с тревогой и жадностью наблюдали за процессом кипячения воды для приготовления каши. Прежде они позволяли себе капризничать, интересуясь, будет ли на ужин что-то ещё. Теперь это было уже не важно, голод заставлял их соглашаться на любую пищу.

Кэтлин последний раз помешала маис и, наконец, сняла кашу с огня. Тут же дети принесли три деревянные миски и наполнили их горячим лакомством, от которого всё ещё шёл пар. Они нетерпеливо взяли маму за руки, молча поблагодарили Бога за ужин, как это было ранее положено в их семье, и торопливо накинулись на еду.

— Осторожно, не обожгитесь. Подуйте на ложку перед тем, как есть. Берите понемногу, — беспокожно проговорила Кэтлин, со страхом наблюдая за голодными детьми. Ложки поспешно застучали — но никто не подал вида, что обжётся. Женщина выдохнула и приступила к трапезе.

Возможно, уже завтра им предстоит выбраться из этой бесконечной грязи. Останется только перейти невысокий хребет Оленьего перевала. В последние дни пути она обратила внимание на то, что деревья мельчали, а лес — редел. Скоро он сменится невысоким кустарником и сгоревшей на солнце травой прерий. Даже странно, что за горами природа так сильно отличалась. Кэтлин помнила, что ещё в детстве, когда она с родителями приезжала к дяде на ферму, её всегда удивляла эта смена погоды и растительности. Прошло время, но здесь ничего не изменилось. По крайней мере, она на это надеялась.

Наполняющийся желудок позволил мыслям перенестись к другой насущной проблеме. Женщина вспомнила, что они уже довольно давно не мылись. По дороге им встретилась всего лишь одна маленькая река и небольшой холодный источник, где они смогли искупаться, пополнить запас питьевой воды и даже постирать вещи. Дожди начались после долгой засухи, поэтому мелкие пересохшие речки ещё не успели наполниться водой. Кэтлин старалась не думать о том, какие жирные были у них волосы, и как пахла одежда. Иногда они просто вытирались мокрым полотенцем. Но этого явно не хватало. Им оставалось только терпеливо дожидаться окончания затянувшегося путешествия.

Женщина посмотрела на дочиста облизанные детские миски и убрала их под навес.

Теперь им следовало хорошо выспаться перед дальней дорогой.

* * *

К утру дождь закончился. Остались только грязь и тепло испарений. Погода обещала быть жаркой. Кэтлин радовалась, что именно в такой день им предстояло пересечь Олений перевал. В дождь она бы на это не решилась — никому не охота сорваться под утёс. А там останется всего пара дней пути — и они дома. Надо было лишь продержаться. Сама она смогла бы пару дней обойтись без пищи. Но для недоедающих детей длительный переезд и так стал слишком тяжёлым испытанием. Хотя и в городе случались моменты, когда дома совсем не было еды, Кэтлин всеми силами старалась этого избегать. Ей казалось, что на природе всё должно быть совершенно иначе, ведь там всегда можно найти что-то съедобное. Нужно только это собрать или, в крайнем случае, подстрелить. Но дальняя дорога доказала её неправоту. Она практически не разбиралась в местных растениях и потому боялась употреблять их в пищу. Охотиться она тоже не могла, несмотря на то, что умела обращаться с револьвером. Для защиты он было гораздо полезнее, чем для охоты на диких животных.

Когда отец Кэтлин, мистер Бенджамин Браун, получил письмо от своего старшего брата Арчибальда, он, конечно, удивился, поскольку не общался с ним уже лет десять после последней ссоры, но не смог не прочитать послание. Возможно, брат хотел извиниться. На самом деле, Арчибальд писал, что очень болен, и просил навестить его. Поскольку у него не было детей, Бенджамин предполагал, что свою ферму тот оставит в наследство племянницам. Ехать стоило. Вот только управляющий железодельательной мануфактуры, где мистер Браун трудился вольнонаёмным, не отпускал его. Решили повременить.

Для Кэтлин же это письмо стало манной небесной. У неё появилась возможность уехать из города, забрав с собой детей. Что она и сделала, не раздумывая. Только теперь женщина начала понимать, на какой отчаянный шаг тогда решилась. Но уже скоро всё это должно было закончиться.

— Мама, дорога сужается! — звонкий голос Майкла вывел Кэтлин из задумчивости как раз вовремя.

Лошади остановились перед обвалившимся участком. Склон здесь казался не таким высоким, но его вполне могло хватить, чтобы перевернуть повозку и лошадей. За годы дорога изменилась. Теперь по ней не так-то легко было проехать. Женщина соскочила на землю и повела лошадей под уздцы.

— Майкл, Габи, помогите мне! Надо проследить, чтобы колёса оставались в колее. Сразу кричите, если они будут поворачивать наружу.

— Хорошо, мама!

Выспавшиеся и отдохнувшие, дети с готовностью спрыгнули на землю и зашагали рядом с повозкой, внимательно следя за колёсами.

Чтобы перейти узкий участок, Кэтлин как можно ближе прижимала лошадей к горе, иногда задевая её спиной. Но ушибы она не чувствовала. Главное было — провести лошадей и не напугать их. Женщина действовала медленно и осторожно, спокойным голосом понукая животных:

— Серый, иди ко мне. Ну, давай же. Иди, мой маленький, иди, не оглядывайся.

Она очень боялась опрокинуть повозку, хотя близость дома и торопила её. Приходилось

постоянно одёргивать себя, чтобы оставаться спокойной и хотя бы внешне уверенной. Даже детям нельзя было показывать свою слабость. Они должны видеть её сильной, чтобы не пасть духом. Слишком долго она позволяла себе быть слабой.

Они прошли несколько шагов и оказались за поворотом. Но тут поведение лошадей резко изменилось: они начали упираться и мотать головами, что заставило Кэтлин посмотреть вперёд. От удивления рот её расслабленно открылся, а в голове неожиданно опустело. Мысль о близости дома моментально улетучилась. Большая старая сосна перегородила собой всю дорогу. Только что она привела лошадей прямо в ловушку. Двигаться вперёд было не возможно, назад тоже. Кэтлин медленно гладила большую морду старого опытного жеребца Серого, выравнивая собственное дыхание. Нужно было осмотреть дорогу впереди.

— Подождите меня здесь! Я скоро вернусь! — крикнула она детям.

Можно было попробовать пробраться между горой и деревом без повозки и лошадей. Но женщина пока оставила эту мысль. Они не смогут взять с собой все необходимые вещи. А купить их заново у неё сейчас просто не будет возможности. К тому же, тогда их путь станет ещё длиннее и опаснее.

Пройти мимо дерева было совсем не просто. Вблизи оно казалось просто огромным. Но на самом деле это было не так. В лесу, который они проезжали, сосны росли гораздо выше. В горах ветра и камни не давали им тянуться в высоту, поэтому здесь они были искривлёнными и низкорослыми. Вероятно, поваленную сосну можно было попробовать оттащить. Кэтлин с трудом ломала мелкие крепкие ветки, расчищая дорогу, и наступала на более крупные. Необходимо было проверить, нет ли упавших деревьев и дальше, чтобы понять, как им действовать.

Пробравшись, наконец, через препятствие, женщина почувствовала облегчение. Дорога впереди оказалась чистая и почти сухая. Видимо, здесь дожди были не такими частыми. Можно было спокойно двигаться вперёд. Оставалось лишь понять как. Миссис Браун повернулась и начала снова раздвигать упрямые ветки сосны, чтобы пролезть обратно, когда услышала крик, от которого похолодело в её сердце:

— Мама, индейцы!!! Мама, мама!!!

Кэтлин опрометью бросилась сквозь ветки, царапая в кровь руки и разрывая платье. Сердце бешено колотилось в груди от охватившей ее паники. Когда она выбралась, дети стояли на краю дороги и указывали на соседний холм.

— Мама, там индеец. Я видел его, — сказал Майкл. — Честно. Он там есть.

Кэтлин видела только сосны и камни. Ей очень хотелось, чтобы ребёнок ошибся. Но его вид говорил об обратном. Габриэль призналась, что индейца не видела. Необходимо было срочно что-то предпринять. Остаться на месте стало слишком опасно. В этих краях индейцы уже давно не были хозяевами. Но, по слухам, ещё изредка появлялись, озлобленные и жестокие. Именно так их обычно описывали переселенцы. Война за землю для них ещё не закончилась. Кэтлин понимала, что одна в незнакомых местах, даже с револьвером, она вряд ли сможет что-то сделать. Индейцы всегда славились неожиданными нападениями. Следовало срочно уезжать. Лихорадочно соображая, миссис Браун тихо окликнула детей:

— Майкл, Габи, нам нужно освободить проход. Ломайте сучья так, чтобы возле горы можно было провести лошадей.

Звучало вполне логично, если они хотели убраться отсюда как можно скорее. Кто знает, может быть, индейцам будет достаточно повозки в качестве добычи, и они не станут их

преследовать. О зверствах, которые они могли с ними сделать, Кэтлин старалась не думать.

Вместе этого она принялась активно ломать жёсткие сосновые ветки. Получалось с трудом. Из-за сильных зимних ветров деревья здесь росли довольно крепкие и кривые. А им предстояло сделать широкий проход, чтобы лошади не поранились в спешке об острые поломанные края.

Через некоторое время уже можно было различить небольшой лаз. Но пройти через него могли только люди. Ломать жёсткие сучья дальше было практически не возможно. Прихваченный с собой маленький топорик не подходил для рубки веток на весу. Кэтлин судорожно вспоминала, что ещё они взяли с собой, когда услышала впереди стук копыт.

— Дети, быстро в повозку! — тут же скомандовала она, чувствуя подступающий ужас.

Сквозь густые сосновые ветки виднелся скачущий на чёрной лошади всадник. Он направлялся прямо к дереву, очевидно, уже представляя, что находится за ним. Длинные чёрные волосы, перетянутые верёвкой, кожаные мокасины, одежда, пошитая из шкур животных и украшенная бахромой, исключали всякую ошибку. Это точно был индеец. Вот он, тот момент, которого Кэтлин так боялась. Она одна, она не может убежать и не знает, что делать. Резким движением женщина выхватила револьвер и направила его на скачущего всадника. Ослабевшие от усталости руки с трудом держали оружие. Ей пришлось с силой сжать рукоятку, игнорируя холодную испарину на лице и подкативший к горлу колючий комок.

— Стой!!! Не приближайся ко мне! — как можно громче крикнула миссис Браун, не узнав собственный голос, прозвучавший неожиданно низко и хрипло.

Всадник ехал один. Возможно, у них был шанс избежать столкновения. Скорее всего, он не понял её слов, но это было не обязательно. Вид оружия обычно действовал на всех одинаково.

— Оставь нас в покое! Уезжай!

Индеец замедлил лошадь. Женщина не была уверена, услышал ли он её, но оружие явно заметил. Медленно перебирая копытами, лошадь подъехала ещё ближе, и всадник дотронулся пальцами до шляпы. Чёрт возьми, это был известный жест приветствия среди переселенцев! Но цвет кожи и волос явно указывал на принадлежность этого человека к другой расе. Индеец спешил и двинулся в сторону женщины.

— Стой, где стоишь! — вновь прокричала она из последних сил, чувствуя, как от наступающего страха задрожало всё тело. Но незнакомец не отреагировал.

Кэтлин начала неуверенно отступать, крепче хватаясь за потяжелевший револьвер вспотевшими от страха руками. Она никогда раньше не убивала людей и не хотела этого делать. Хотя индейцев за людей здесь никто не считал.

— Пожалуйста, уходите. У меня дети. Я не хочу вас убивать, — почти взмолилась она в последней попытке избежать беды.

Всадник, наконец, остановился. Под полами шляпы Кэтлин не могла рассмотреть лицо. Но он явно задумался. Руки женщины заметно подрагивали. Ожидание играло не в её пользу. Где-то внутри появился трусливый холодок, предательски разливаясь по телу. Эхо громкого сердцебиения усиленно стучало в ушах, пытаясь заслонить все внешние звуки.

— Я могу вам чем-то помочь, мэм? — неожиданно спросил незнакомец на чистом английском.

Кэтлин широко раскрыла глаза от удивления и замерла на месте, не в силах вымолвить ни слова. Никогда прежде она не встречала индейца, так хорошо говорящего на её родном

языке. Ещё больше её поразило то, что произошло дальше. Незнакомец снял шляпу в знак приветствия и оказался... женщиной. Несколько мгновений понадобилось миссис Браун, чтобы осознать произошедшие изменения. Вместо злого индейца она целилась в девушку-индианку, говорящую на чистом английском, которая к тому же предлагала ей помощь.

«Опустить оружие, нужно опустить оружие», — мысленно повторила она себе. «Эта девушка, возможно, сможет помочь. Не стоит ей угрожать». Пересиливая себя, Кэтлин с трудом опустила револьвер и заворожённо уставилась на обращённое к ней лицо. Да, это действительно была индианка. Смуглая кожа, миндалевидные тёмно-карие глаза, чёрные, как смоль, волосы — всё выдавало в ней принадлежность к другой, враждующей с ними расе. Но почему-то она предлагала свою помощь. И это не укладывалось в голове женщины.

— Вы говорите по-английски? — единственное, что смогла спросить Кэтлин после некоторых колебаний.

— Да, я здесь родилась и знаю этот язык, — последовал спокойный ответ.

— Не бойтесь, я вас не трону, — через некоторое время добавила незнакомка. — Я могу попробовать оттащить это дерево, если у вас есть крепкая верёвка.

Кэтлин медлила с ответом, рассматривая длинный шрам поперёк загорелой индейской щеки. Тонкая полоска более светлой кожи в купе с уверенным холодным взглядом придавали их обладательнице суровую воинственность. Дополняли этот образ лук и ружьё, водружённые на вороную лошадь.

Поняв, что от неё ждут ответа, Кэтлин попыталась сосредоточиться.

— Да... У меня есть верёвка. Пожалуйста, только оставайтесь на том же месте.

Наверное, это выглядело очень странно, но ей необходимо было перестраховаться. Кто знает, что может быть в голове у дикаря, пусть они и говорят на одном языке. Женщина осторожно передвинулась к повозке, заглянула за полог и, убедившись, что дети на месте, указала им на моток верёвки в углу. Револьвер всё ещё находился у неё в руках. Посмотрев на отвернувшуюся индианку, Кэтлин убрала его под юбку и взяла протянутую ей верёвку. Неуверенной походкой она вернулась обратно к дереву, когда неожиданно поняла, что боится подходить ближе. Незнакомка так же спокойно посмотрела на верёвку и спросила ровным голосом:

— Я могу её забрать?

Женщина безмолвно открыла рот и вместо ответа просто кивнула головой. Индианка протиснулась между острыми ветками и каменной стеной, аккуратно взяла из онемевших пальцев веревку и, вернувшись обратно, прикрепила её к поваленному стволу дерева. С другим концом верёвки она спустилась с дороги к ближайшей сосне и обмотала его вокруг. Кэтлин не сразу поняла эту задумку.

Дети с любопытством начали выглядывать из-за брезентового полога. Они раньше никогда не видели индейцев так близко. В городах часто рассказывали страшные истории о том, как краснокожие вырезали целые семьи фермеров и снимали с них скальпы. Жуткими подробностями пугали подростков, которые мечтали уехать на новые земли. Здесь же, насколько Кэтлин помнила, такие истории были редкостью. Её дядя даже иногда менялся с индейцами на необходимые ему вещи, когда те проходили мимо фермы. Но это было давно. Большинство индейцев покинуло местные земли.

— Мне понадобится ваша помощь.

Снова этот чистый английский, так резавший ей слух. Кэтлин медленно обернулась, поняв, что от неё ждут ответ.

— В чём именно?

— Надо полностью убрать дерево с дороги. Иначе вы не проедете. Моей лошади может оказаться не достаточно. Нам нужно тянуть верёвку вместе, чтобы помочь ей.

Только теперь Кэтлин разглядела всю верёвочную конструкцию и поняла хитрую идею. Незнакомка специально обогнула верёвку вокруг дерева, растущего ниже дороги, чтобы упавшая сосна сползла вниз и освободила им проезд. Только делать это надо было очень осторожно, чтобы дерево не потащило за собой и лошадь.

— Да, конечно, — задумчиво ответила миссис Браун.

Индианка слегка кивнула и спустилась вниз.

— Тяните верёвку у дерева. А я помогу лошади, — громко сказала она. — Начали!

Поначалу Кэтлин не заметила, что дерево как-то реагирует на их действия, пока не услышала характерный индейский окрик:

— Йа Йа! Йа!

Крик, которого она боялась с самого детства, сейчас раздавался прямо за её спиной. Женщина оцепенела от страха, не в силах шелохнуться, и молча наблюдала за судорогами сосны.

— Йа Йа! Йа!

Только почувствовав движение в руках и услышав громкий треск, Кэтлин опомнилась и со всей силы потянула на себя веревку. Дерево поддавалось неохотно, упираясь ветками в ещё влажную после дождя почву. Хоть и медленно, но всё-таки оно двигалось, что давало путешественникам надежду на окончательное освобождение дороги.

Снова и снова миссис Браун слышала за спиной знакомый индейский окрик. Но больше он не казался ей пугающим. Теперь всё её внимание было приковано к плавно перемещающемуся дереву. Его вид придавал Кэтлин сил. Верёвка до крови резала ладони, тонкие подошвы плохо защищали от неровной каменистой почвы, из-за чего ступни болезненно ныли. Но это было уже не важно. Главное, что они скоро смогут двигаться дальше. От натуги женщина зажмурила глаза и доверилась общему движению, думая только о натянутой веревке. Поэтому она очень удивилась, когда движение неожиданно остановилось. За спиной послышалось громкое ржание и перебор копыт. Незнакомка произнесла что-то на своём родном языке, обращаясь к лошади, и негромко похлопала её по крупу. Она явно была довольна проделанной работой. Кэтлин же не могла поверить своим глазам, глядя на лежащее внизу дерево и свободную дорогу перед танцующими в нетерпении лошадьми. Тут же она поспешила к детям, видя их волнующиеся взгляды.

— Ну вот, теперь мы можем ехать дальше. Не беспокойтесь, мои хорошие. Это добрая девушка, она нам помогла.

— Она уезжает, — шёпотом произнёс Майкл.

— Что? Я... — Женщина смолкла, видя удаляющегося всадника.

— Я не успела сказать ей спасибо, — тихо добавила она уже скорее самой себе.

— А разве индейцы помогают? Я думал, что они злые.

В глазах мальчика застыл молчаливый вопрос. И Кэтлин не знала, как на него ответить, чтобы уберечь детей от неприятностей в будущем.

— Как видно, индейцы бывают и добрыми. Но вам всегда нужно быть осторожными с любыми незнакомыми людьми. Тем более, с индейцами. Если это возможно, избегайте встречи с ними.

— А то они нас украдут и снимут скальп? — доверчиво поинтересовалась Габриэль.

— Если не будете никуда уходить без спросу, то ничего плохого с вами не случится, — коротко ответила Кэтлин и обняла детей. — Всё у нас будет хорошо, мои маленькие. Только слушайте маму.

Напуганные дети крепко прижались к матери и согласно закивали в ответ.

Через некоторое время они продолжили нелёгкий путь через Олений перевал. Было потеряно много времени, но терять ещё больше означало рисковать жизнью. Каша почти закончилась, остатки мяса съели на обед. Зато у них была вода. А значит, как минимум несколько дней они ещё протянут.

Воздух постепенно становился суше, принося с собой еле слышные запахи полевых цветов. Растительность мельчала. Сосны по дороге попадались всё реже. Температура заметно повышалась. Все эти перемены могли означать только одно — они приближались к прериям. Кэтлин скинула плащ и решила сделать небольшой привал. Лошадям необходимо было подкрепиться, пока они ещё могли поесть свежую зелёную траву. За перевалом их ожидала довольно скудная растительность.

Впереди оставался ещё примерно день пути. «Только бы Арчибальд чувствовал себя хорошо», — подумала про себя миссис Браун. Через месяц-другой придёт зима. А в этих местах она была сурова. Женщина морально готовила себя к тому, что ей придётся научиться всему, что требуется фермеру, чтобы выжить в этих диких краях. Лишь бы не возвращаться обратно. Но поначалу она очень надеялась на помощь дяди. Только он мог её обучить. Грустные мысли были прерваны детскими голосами:

— Мама, мама, а это можно есть?

Гроздь ярко-красных ягод, на которые указывали дети, вызвали в ней недоверие. Если их организм начнёт отторгать непонятную пищу, они могут с этим не справиться. С новым опытом лучше повременить.

— Майкл, Габи, мне нужно вам кое-то сказать.

Дети внимательно уставились на мать.

— Мы приедем к дедушке Арчибальду завтра вечером или рано утром. У нас осталось очень мало еды, как вы уже заметили. Сегодня я раздам вам последние порции. А завтра мы будем весь день поститься. Но пить можно сколько хотите. На речке мы набрали достаточно воды. Нам хватит до конца дороги. Только, пожалуйста, ничего не ешьте. Эти растения могут быть ядовитыми. А лекарств у нас с собой нет.

Дети понимающе смотрели на мать. Один день они смогут потерпеть. Разве что ночью будет тяжело. Но они выдержат. Они точно знали.

Дорога в горах оказалась заметно суше, поэтому лошади тащили повозку намного быстрее. Можно было надеяться на скорое завершение путешествия. Кэтлин несколько расслабилась и улыбнулась про себя. Уже скоро они будут дома. Влажная земля под колёсами постепенно превращалась в сухой песок, который легко поднимался ветром. А значит, прерии совсем близко, там же и конец перевала. Скоро плащи и шляпы понадобятся им уже не от дождя, а от палящего солнца.

Миссис Браун одновременно ждала окончания этого путешествия и побаивалась его. А вдруг Арчибальд передумает, увидев, что она приехала без мужа. Одной женщине на ферме жить опасно. А дети ещё маленькие. Кэтлин вспомнила уроки обращения с оружием, которые когда-то давал ей дядя. Нужно будет обязательно их повторить. В отличие от города, здесь владение оружием было жизненно необходимо.

На этот раз вечерний привал они сделали уже не под пологом высоких лесных деревьев,

а в небольшом углублении под горой для защиты от ветра и возможного дождя. Кэтлин разделила между детьми последний кусок солонины, стараясь не прислушиваться к собственному урчащему желудку. Ещё один день пути — и они будут у цели. Все вместе они забрались в повозку и моментально уснули, больше не съёживаясь от холодного и влажного воздуха.

Наутро их разбудили проникшие в повозку лучи только что взошедшего солнца, непривычно тёплого и яркого. При свете дня Кэтлин заметила, что Олений перевал практически закончился, о чём радостно сообщила детям.

— К вечеру мы должны приехать к дедушке Арчибальду. Потерпите ещё немножечко.

— Конечно, мама, — пролепетал сонный Майкл.

Габриэль только улыбнулась в ответ. Хотя они и не видели ни разу брата своего дедушки, но с нетерпением ожидали встречи с ним в завершении этого утомительного путешествия и возможности уснуть в кровати вместо деревянного пола повозки. К тому же, им уже давно хотелось помыться. Тело и голова жутко чесались. Дети периодически почёсывались втайне от матери, а в остальное время делали вид, что могут пока и подождать.

Выйдя в прерии, дорога стала намного легче, ни грязь, ни камни больше не мешали передвижению повозки. Дети прятались в ней от солнца, а Кэтлин укрывалась за полами своей шляпки, перевязав её алой ленточкой у подбородка. Лошади словно почуяли близость дома и легко скакали по прерии, ещё не измученные её сухостью и палящим солнцем. Олений перевал остался далеко позади. Впереди виднелись только бесконечные поля с одинокими скалами и яркое безоблачное небо.

К полудню солнце заметно припекло. Начало осени ещё баловало теплом. Миссис Браун решила дать лошадям и себе небольшую передышку. Под тенью одной из скал она организовала привал, чтобы напоить животных. Уже много лет она не появлялась в этих краях. Но детские воспоминания до сих пор жили в ней: сухая трава, обжигающее солнце и красивые лошади Арчибальда. В отличие от отца, дядя всегда относился к ней всерьёз. Может быть, из-за отсутствия собственных детей он всегда много времени уделял Кэтлин. Он учил её ездить верхом, стрелять из ружья, предсказывать изменение погоды. Родители не видели необходимости в этих навыках для жизни в городе, зато активно подыскивали ей жениха. Женщина грустно улыбнулась и посмотрела вверх. Солнце медленно клонилось к западу, им пора было снова в дорогу.

С наступлением сумерек Кэтлин заторопила лошадей, намереваясь до наступления ночи доехать до дядиного дома. Дорогу, на удивление, она помнила хорошо, не смотря на все прошедшие годы. Даже лошади безошибочно угадали верное направление, словно заранее знали, куда им ехать. Дети то и дело высовывались из-под брезента, вглядываясь в полумрак в попытке увидеть хоть что-то отдалённо напоминающее человеческое присутствие. Но пейзаж не менялся. Ферма Арчибальда находилась в удалении от ближайшего посёлка, поэтому их окружали только молчаливые прерии.

Не ожидая никого встретить по дороге в столь поздний час, остаток пути миссис Браун ехала с лёгким сердцем, доверившись инстинкту своих животных. Успокоенная, в восторженном нетерпении она подъехала к едва различимому дому своих воспоминаний. Легко спрыгнув с козел, женщина помогла спуститься детям и поторопилась в сторону окна, где виднелся отблеск свечи. Судя по всему, дядя находился на кухне. Конечно, он уже знал об их визите — лохматая собака возле крыльца заливалась громким лаем на незнакомцев. Не успела Кэтлин взяться за ручку двери, как та распахнулась. Навстречу им вышел невысокий

пожилой мужчина с густой белой бородой и остатком редких седых волос.

— А я думаю, что это Рокки разгавкался. Ну, наконец-то, вы добрались! — медленно произнёс он, не скрывая искреннюю улыбку.

Путешественники с радостью приняли предложенные им объятия, в которых было так уютно и тепло, что на глаза сами собой навернулись слёзы. Вот они и дома.

* * *

При свете догорающей свечи лицо дяди выглядело ещё более угрюмым и задумчивым. Дети уже давно заснули в своей новой комнате. Но Арчибальд не мог отпустить племянницу, не получив ответа на свой вопрос.

— Ну, так что случилось, что ты приехала одна, без мужа?

— Мы расстались...

Кэтлин понимала, как странно звучат её слова. В семье английских пуритан, коими являлись её родители, развод был последним средством для решения семейных проблем. Но говорить правду она боялась.

Пожилой мужчина задумчиво посмотрел на стол перед собой и снова вернул взгляд на племянницу, словно собравшись с мыслями.

— Ладно, можешь не рассказывать мне подробности, если не хочешь. Но ты уже взрослая женщина и должна понимать, что в одиночестве, без мужа, тебе здесь будет намного сложнее. Я писал твоему отцу, что не протяну долго. Это правда. Врач не называл никаких сроков, но я и сам чую, что эта зима может стать для меня последней. Я бы хотел, чтобы твоя семья жила на моей ферме. Поэтому мне надо было вас... тебя подготовить.

Кэтлин понимала, что эта поправка в словах говорила о многом.

— Дядя, я справлюсь. Поверь мне.

Умоляющими глазами она смотрела на суровое лицо перед собой, ещё не полностью осознавая, на что именно решилась.

— Мой лучший совет для тебя только один — выходи снова замуж. Одна, с детьми ты можешь здесь пропасть.

На последних словах лицо Арчибальда ещё больше посерьёзнело, углубляя множество старческих морщин. Он-то хотел отойти в мир иной со спокойным сердцем, оставляя своё хозяйство в надёжных руках. Но теперь это выглядело сомнительно. Помня Кэтлин очень упёртым ребёнком, он только надеялся, что та мало изменилась за прошедшие годы и всё так же упряма в достижении своих целей.

Утром, когда дети ворвались в комнату матери, она поняла, что проспала нечто важное. Слишком уж радостными выглядели их лица.

— А дедушка показал мне, как надо доить коров! — громко хвастался Майкл.

— Нет! Это он нам обоим показал, — запротестовала девочка.

— Конечно обоим, Габриэль, — успокоила её Кэтлин. — И меня он когда-то этому учил. Теперь вы станете у меня настоящими фермерами.

На этих словах она крепко прижала к себе обоих детей и ещё раз мысленно поблагодарила дядю за предложение приехать.

— Ну, а теперь мама оденется, и мы все вместе пойдём завтракать.

Когда дети с шумом покинули комнату, миссис Браун позволила себе немного

расслабиться и поняла, что именно о такой жизни всегда мечтала.

В самой большой из трёх комнат, которая была одновременно и кухней и гостиной, она нашла Арчибальда, который уже взбивал яйца для омлета. Здесь всё было именно таким, каким она запомнила это с детства: дубовый стол, небольшая самодельная печь, старые разошедшиеся полки, заполненные мешочками с крупами и банками с загадочными настойками, старый, скрипящий при каждом движении, шкаф для посуды, который хранил в себе несколько разрозненных тарелок и кружек, а так же закопчённый железный чайник. Всё это под толстым слоем скопившейся за годы пыли. Подсознательно Кэтлин отметила, что нужно будет исправить в первую очередь.

— Доброе утро, дядя. Я смотрю, ты время зря не теряешь, — сказала она с улыбкой.

— Да, сегодня утром ты была единственной, кто блаженно спал, пока остальные уже вовсю работали, — последовало в ответ добродушное ворчание. — Я показал внукам хозяйство, пора уже их приучать потихоньку. В городе, небось, все изнеженные, ничего делать не нужно, всё готовенькое. А здесь вам придётся самим добывать себе пропитание: сажать, доить, кормить. И от этого будет зависеть — выживите вы или отправитесь на корм стервятникам. И никто не придёт на помощь, случись что. Так что вам придётся многому научиться. Но я вас к этому подготовлю. Было бы только время.

При свете утреннего солнца Кэтлин видела, что Арчибальд действительно выглядит неважно. Глаза были наполнены жизнью, но тело заметно сдало: пальцы скрючились, ноги передвигались с заметным усилием, и сам он весь как-то осунулся. С детства она запомнила его коренастым крепким мужчиной, который виртуозно ездил на лошади и постоянно спорил с её отцом. С тех пор много воды утекло.

— Дядя, а у вас есть индейцы?

— Пока ещё есть. Почему ты спрашиваешь?

— По дороге сюда мы встретили одного... Точнее одну. Она говорит по-английски и даже помогла нам с повозкой, — неуверенно добавила Кэтлин.

Женщина не хотела напугать Арчибальда описанием происшествия, но в то же время очень боялась за детей.

— В здешних краях их не любят. И потому они здесь почти не появляются. Последний раз я менялся с ними позапрошлой весной. У них отличные семена тыквы и маиса. Советую, кстати. А ты видела, судя по всему, вовсе не этих индейцев, а полукровку. Она действительно выглядит, как настоящая индианка. Но её отец англичанин, поэтому она хорошо говорит по-английски. Только в общении с местными ей это всё равно не помогает.

— Да, я этому очень удивилась. Никогда не слышала, чтобы индейцы так чётко произносили слова.

— Тебе повезло, — усмехнулся дядя. — Обычно она ни с кем не разговаривает. За это её считают гордячкой. Но я бы не советовал тебе с ней связываться. Всё-таки в ней больше индейской крови. Из-за неё у тебя могут быть неприятности. Здесь таких не любят.

— Когда я приезжала сюда в детстве, ты говорил, что часто менялся с индейцами, они вас чему-то учили.

— Было такое. Но сейчас всё изменилось. С каждым годом переселенцев становится больше, они занимают новые территории, а индейцы уходят дальше на запад. Теперь мы враждуем, — с грустью добавил Арчибальд. — Как правило, индейцы не нападают на мирных фермеров. Но случиться может всякое, поэтому лучше подстраховаться, ведь правительственная армия отсюда далеко. Оружие есть в каждом доме. Хотя в меткости наши

ружья не поспорят с их луками...

Дядя хотел добавить что-то ещё. Но в этот момент на кухню, а точнее выделенный под неё угол общей комнаты и одновременно гостиной, с шумом ворвались дети.

— Всем мыть руки! — громко скомандовал Арчибальд, увидев, как испачканные ладони потянулись за вилками.

С явной неохотой дети пошли к раковине, а Кэтлин стала раскладывать тарелки. Утром дядя дал ей передышку после тяжёлой дороги. Но пора было приниматься за хозяйство. До наступления зимы предстояло ещё многому научиться.

После завтрака Кэтлин первым делом направилась в сарай, зная, что Арчибальд, как и прежде, держит скотину. По её примерным подсчётам там было около дюжины коров, пара взрослых быков, десятков кур, да три лошади в конюшне, пристроенной с другой стороны. Когда-то дядя потратил массу времени и денег, чтобы закупить и привезти сюда первых коров. Потом даже развёл небольшое стадо. Но сейчас поголовье заметно сократилось. Возраст хозяина брал своё. Остатки когда-то известного во всей округе стада теперь ютились в огромном полупустом сарае. Несмотря на пыль и клочья паутины по углам, сама постройка выглядела довольно крепкой, хоть и прошло уже много времени с момента ее появления. Было заметно, что делали её на совесть: крепкие стойки упирались в не менее прочные верхние лаги и держали на себе сеновал. Будучи маленькой, Кэт всегда любила прыгать там вместе с сестрой, пока никто их не видел. Необходимый инвентарь и корма находились за стенкой. «Всё, как когда-то в детстве, только коров стало меньше», — отметила про себя женщина. Задумчиво глядя на чавкающую скотину, Кэтлин впервые серьёзно усомнилась, а сможет ли она одна всё это сохранить и, дай-то бог, приумножить. Тем более, скоро начнутся холода, самое тяжёлое время в этих краях. Долгие раздумья женщины прервали радостные крики детей, которые бегали вместе с Рокки вокруг дома. Здесь они действительно были счастливы. В этот момент их мать поняла, что сделает всё, что в её силах, чтобы остаться на ферме.

Урожай оказался уже почти собран. Арчибальд всегда готовился к зиме заранее. Остались только кусты фасоли, немного маиса, плети тыквы и кабачков. Миссис Браун обратила внимание, что огород и дом обнесены довольно обветшавшим забором, который в следующем году надо будет обязательно чинить или менять на новый. Деревьев в здешних местах немного, поэтому большой проблемой может стать поиск материала. В этот момент она вспомнила Олений перевал, множество дубов и сосен и, конечно, индейца среди них. «Надо будет обязательно узнать у дяди, насколько здесь вообще безопасно», — решила про себя Кэтлин. Теперь, когда опасность миновала, ей уже не хотелось повторно пережить подобную встречу.

— Ну что, племянница, давай проверим, не всё ли ты ещё забыла! — радостный Арчибальд лукаво улыбался в лучах яркого осеннего солнца. — Держи-ка лопату и пойдём подготовим грядки к зиме.

Дядя, как всегда, особо не церемонился и быстро нашёл всем дело. Пока взрослые перекапывали землю, дети убирали засохшие сорняки и ботву. Обычно переселенцы выкорчёвывали деревья и выжигали место для огородов, удобряя, таким образом, скудную почву. Но в этих краях росли в основном трава и кусты, так что жечь было нечего. Суровая зима и жаркое лето тоже не способствовали высоким урожаям. Однако опытный Арчибальд умело вёл хозяйство и приноровился использовать местные удобрения. Специально для этого он собирал коровий и лошадиный навоз, а также золу, которая оставалась после растопки

печи. По словам тёти, много лет назад ему посоветовали так делать местные индейцы апачи. У них же он выменивал различные семена и первые клубни картофеля, который потом стал их основной пищей в холодное время года.

После срока за кражу из ювелирной лавки на родине Арчибальд Браун предпочитал жить подальше от больших городов, поэтому и застолбил за собой этот безлюдный кусок земли, где мог спокойно пасти скотину и собирать урожай. Ранее Кэтлин представляла свою будущую жизнь несколько иначе. Дети уже привыкли к жизни в городе. Конечно, работа в поле и на дворе покажется им непривычно тяжёлой. Но женщина в них верила. В нынешнем положении жизнь в глуши представлялась ей наилучшим вариантом из всех возможных. Пусть и не самым лёгким.

— Мама, он меня ударил! — раздался громкий крик Габриэль.

— Это она первая начала! Я только толкнул её немного.

Майкл хоть и был почти на семь лет младше, но почему-то именно он чаще всего становился обидчиком. Или Габриэль просто чаще жаловалась. Миссис Браун разогнала детей по разным грядкам и оценила их грязный вид. Хорошо, что они прихватили с собой сапоги. Здесь без них было бы тяжело. Особенно осенью.

— Беее! — мальчик показал сестре язык, втыкая в волосы большое куриное перо. — Я индеец, ты у меня ещё получишь!

— Ну конечно. А у меня есть револьвер. Я тебя застрелю, — парировала девочка. — Мне за это ещё и денег дадут!

— Я ловкий и быстрый, ты не сможешь!

На этих словах оба моментально убежали в сторону дома. Кэтлин даже крикнуть ничего не успела, чтобы осадить их.

— Я слышал, в Калифорнии покупают головы индейцев? — хмуро поинтересовался Арчибальд, остановив работу, чтобы немного отдышаться.

— Да. Говорят, правительство платит по пять долларов за каждую голову. Они выставляют их потом на главной площади. Хотят таким образом избавиться от всех индейцев.

— Лживые ублюдки. Сначала заключают с ними договор, а потом убивают на их же земле, — в сердцах произнёс дядя. — Извини, дорогая, не смог сдержаться.

Лицо старика заметно погрузтело, и он снова уставился в землю. Женщина решила отложить мучающие её вопросы о жизни фермеров на границе с индейскими поселениями. Они обсудят это позже, сегодня же следовало хорошо поработать, пусть завтра у неё и будут болеть все мышцы с непривычки. В конце октября обычно уже начинались заморозки, а иногда даже выпадал первый снег. К этому времени следовало подготовиться заранее: убрать всю растительность с огорода, перекопать его, сжечь накопленный за лето мусор, подготовить припасы для себя и скотины на несколько месяцев вперёд. Кэтлин никогда ещё не зимовала в этих краях. Но догадывалась, что сделать это будет непросто. Зимы здесь выдавались суровыми, судя по рассказам дяди. Однако люди как-то справлялись, значит, и они смогут.

Через несколько дней Арчибальд съездил на повозке в ближайший к ним посёлок Бигфилд и закупил всё необходимое для того, чтобы они благополучно пережили холода. Теперь у них были довольно большие запасы провизии, тёплых одеял и одежды.

— Кэтлин, детишки, примерьте вещи, что я вам купил, — такими словами дядя встретил их у калитки. — Некоторые я взял на размер больше, чтобы зимой можно было поддеть что-

то под низ. Майк, а специально для тебя я прикупил подштанники. Если будешь бегать зимой в одних брюках, кое-что себе отморозишь.

Мальчик только покраснел в ответ и отвернулся в сторону покупок. Пока дети разбирали одежду, Арчибальд обратился к племяннице, переминая в крупных жилистых руках старую шляпу:

— Кэт, я позвал на завтра несколько своих знакомых с сыновьями. Все они хорошие, работающие ребята, у многих уже есть свои участки. Поговори с ними. Может, вы понравитесь друг другу. Я сказал им, что ты вдова, чтобы не было лишних разговоров. Ты ещё довольно молода и сможешь нарожать кучу ребятешек, проблем с женихами, думаю, не будет.

Миссис Браун догадывалась, что дядя может сделать нечто подобное. Но не ожидала этого так быстро. Свободная одинокая женщина — лакомая приманка для любого бездельника или бандита. Он просто хочет её защитить. Кэтлин неотрывно смотрела на горизонт. Всё её тело словно онемело от мысли, что она сама, по своей воле может вернуть себе ту же самую жизнь, от которой только что успешно сбежала. Улыбнувшись через силу, она обернулась к Арчибальду.

— Дядя, я же могу пока не торопиться?

— Если ты спрашиваешь моё мнение, лучше организовать всё до зимы. Ну, или, на крайний случай, весной. Не хочу оставлять тебя здесь одну с детьми. Тебе нужен сильный мужчина, чтобы не дать вас в обиду. Очень надеюсь, что завтра ты сможешь такого выбрать.

На этих словах Арчибальд пошёл распрягать лошадей, а Кэтлин замерла на том же самом месте, всё ещё силясь осознать новый поворот событий. Какой же наивной она была, ожидая, что здесь всё будет по-другому. Солёные слёзы разочарования потекли по её щекам. Опасаясь напугать детей, женщина медленно побрела в сторону дома, привычно поднимая юбки над осенней грязью.

* * *

— Привет, дружище! Сто лет не виделись.

— Здорово! И то правда!

Голоса за окном становились всё громче, приближаясь к дому. Весь вечер и утро Кэтлин занималась готовкой и уборкой. Грохот приближающейся телеги и залихватистый лай Рокки напомнили ей о необходимости переодеться. Заранее обдумав свой наряд, миссис Браун решила не прихорашиваться. Пусть видят её в обычной обстановке. Светлые вьющиеся локоны она перевязала яркой красной лентой, косметику даже трогать не стала, только поменяла рабочее платье на домашнее.

— Кэтлин, дорогая, встречай гостей! — послышался голос дяди. — Наверное, ещё чистит пёрышки, — добавил он после небольшой паузы, обращаясь уже в другую сторону.

Когда женщина вошла в гостиную, разговоры смолкли, и мужские взоры моментально обратились в её сторону. Казалось, что они просто пожирают её своими жадными глазами. Пыльные и небритые, но одетые в свои лучшие рубахи, они даже не пытались отвести взгляд. Вероятно, свободных женщин, да ещё и с хорошим приданым, в этих краях было не так немного.

— Добрый день! — как можно бодрее произнесла Кэтлин, надеясь, что голос не выдал того волнения, которое проникло в её сердце.

— А вот и моя племянница, Кэтлин Браун! Прошу любить и жаловать, — Арчибальд заметно оживился при её появлении.

Пытаясь не выказывать беспокойство, Кэтлин прошла по гостиной, пожимая по очереди крупные мозолистые руки местных фермеров и их сыновей. Кто-то старательно улыбался ей в ответ, показывая кривые коричневые зубы, кто-то безуспешно кривил тонкие губы, скрытые жёсткой густой бородой.

И все беззастенчиво заглядывали в её глаза в ожидании какого-то особенного знака именно для них. Неожиданно появившееся желание убежать становилось всё более настойчивым. Кэтлин чувствовала себя словно животное на ярмарке, вокруг которого ходят удивлённые и жадные зрители, норовящие подёргать за ухо или щёлкнуть по носу. Женщина напрягла все свои душевные силы, чтобы казаться расслабленной и доброжелательной. Всё-таки дядя организовал эту встречу для её же блага.

Постепенно прибывали новые лица. Всего собралось около дюжины местных кавалеров разных возрастов. Видимо, всем было любопытно, что за племянница у Арчибальда. Некоторые из них даже помнили маленькую светловолосую девочку, весело игравшую со своей старшей сестрой. Спустя годы девчущку было не узнать: светло-русые вьющиеся волосы обрамляли довольно симпатичное бледное личико, на котором выделялись ясные голубые глаза и мягкие на вид алые губы. Фигура женщины по местным понятиям была слишком уж худосочной, но это всегда можно было поправить. К тому же она приехала из города. Местные простушки ей явно уступали.

На Кэтлин же толпа фермеров и трапперов^[1] произвела обратное впечатление. Конечно, сейчас они принарядились для первого знакомства, но потом наверняка окажутся жуткими пьяницами или картёжниками. Обычное времяпрепровождение для этих богом забытых мест. На каждом втором лице женщина видела отпечаток бывшего каторжника или фанатичного пуританина. Все они искали в западных землях возможность начать новую жизнь. Только навряд ли они изменились и все зарабатывали честным трудом. Порой новые переселенцы не брезговали кражей чужого скота или урожая. Высокие штрафы их не останавливали, ведь доказать воровство было довольно сложно, если только не застать вора с поличным. А происходило это крайне редко, поэтому все кражи обычно сваливали на апачей, некогда коренных жителей этих равнин. За годы ситуация, по словам дяди, не изменилась, только индейцев стало меньше, а переселенцев в разы больше.

— Добрый день, миссис Браун! — неожиданно услышала Кэтлин сквозь шум голосов и обратила внимание на протянутую ей руку коренастого бородатого мужчины. — Меня зовут Марк Стивенсон. Моя ферма находится к западу от вашей. Очень рад с вами познакомиться. Если вам что-нибудь понадобится, пожалуйста, обращайтесь, — на этих словах мужчина слегка поклонился и отошёл в сторону.

«Ненавязчив. Странно», — отметила про себя хозяйка дома. В отличие от других, он не пытался напроситься в гости, держал себя довольно скромно и даже не удосужился поменять рабочую одежду на выходную.

— Это наш сосед, бывший военный, — подсказал Арчибальд, словно прочитав вопрос в её глазах. — Он с семьёй живет здесь всего несколько лет. Потому ты не можешь его помнить. Вышел в отставку после ранения. Ходят слухи, что его вынудили уйти после очередной зачистки индейцев. Я попросил его заехать просто познакомиться на случай, если тебе когда-нибудь понадобится помощь. Лучше обрати внимание на того дюжего парня в углу. Я давно знаю его отца. У них лучшее стадо во всей округе.

Кэтлин посмотрела в сторону, куда кивал её дядя, и увидела там здорового детину, скромно потупившего взор от её взгляда.

— Боже мой, да он мне почти в сыновья годится, — еле сдерживая улыбку, шёпотом произнесла она.

— Ничего страшного. Зато парень ещё не избалован. Отец держит его в ежовых рукавицах. И ты у нас ещё не старушка. Тебе всего 32 года, если я правильно помню.

Ну вот, теперь ей предлагают малолеток. Первый раз, почти семнадцать лет назад родители уже нашли для нее «удачную партию». Тогда она и не представляла, что может быть иначе. С одиннадцати лет она вязала себе приданое, изучала грамоту, рисунок, танцы и этикет, лишь бы понравиться своему будущему мужу. В строгой пуританской семье всё было нацелено на чёткое исполнение каждым членом семьи отведённой ему роли. Отец зарабатывал и копил деньги, мать следила за хозяйством и растила дочерей, а те, в свою очередь, должны были хорошо выйти замуж. Бог одарил родителей Кэтлин двумя девочками-погодками и больше не дал. Они с этим смирились. По крайней мере, так говорили на людях. А дома не раз укоряли Кэтлин, что она не родилась мальчиком. Не зная, что ответить, она предпочитала отмалчиваться.

Строгие нравы не позволяли детям ничего лишнего, кроме того, что было им положено. И пока соседские девочки вместе с ребятами бегали по улице, Кэтлин со своей старшей сестрой Элеонорой сидела дома, вышивая крестиком или вознося молитвы Всевышнему. Скромные платья тёмных тонов, обязательные чепчики, строгость во всём и бесконечный пост несколько раз в год были их обязательными атрибутами. За слишком громкий смех родители могли строго наказать, поставив в угол до конца дня или лишив ежедневной прогулки.

Единственной отдушиной для девочек стали поездки летом на ферму к дяде. Здесь можно было делать всё что угодно, пока родителей не было рядом. Арчибальд позволял Кэтлин ездить верхом на лошади в обычном седле, учил стрелять из охотничьего ружья и револьвера, брал с собой на дальние пастбища. Только на ферме девочка была действительно счастлива. Работа в огороде её нисколько не смущала, в отличие от Элеоноры. Та предпочитала по привычке сидеть дома и лишь изредка выходила на улицу. К несчастью, отец всё-таки узнал о методах воспитания своего брата. Никогда раньше девочки не слышали, чтобы их отец и дядя так громко ругались. На этом летние поездки на ферму прекратились. Чтобы дети не отвлекались на пустое, было решено поскорее определить им подходящие партии и выдать замуж. Тем более, что возраст был уже подходящий. Женихов нашли быстро, обеих венчали в один день. Кэтлин подозревала, что сделали так из экономии, хотя сами родители ни за что бы в этом не признались. А дальше каждый пошёл своей дорогой. Родители старались особо не вдаваться в подробности семейной жизни своих чад.

— Кэтлин, принеси ещё немного виски. Здесь не пьют чай с солью, как у твоих родителей, — улыбнувшись, Арчибальд напомнил ей о разнице между пуританами-переселенцами из городов и колонистами-дикарями, осваивающими новые западные земли. До ссоры отца и дяди она не обращала на это особого внимания, но всегда чувствовала, что на ферме ей гораздо комфортнее, чем в городе. Вероятно, поэтому она так рвалась сюда даже после свадьбы.

— Конечно, дядя. Сейчас схожу в кладовую, — с этими словами Кэтлин развернулась на месте, и, шурша юбками, стремительно исчезла за ближайшей дверью.

Осторожно захлопнув дверь, женщина прижалась к ней спиной. Ноги внезапно

перестали её слушаться, тело ослабло. Грубо подогнанные дверные доски спасительно охлаждали её кожу, приводя в чувство. Кэтлин и забыла, что это была не утеплённая пристройка для хранения продуктов, сделанная так специально, чтобы зимой не выходить на улицу. Отчаяние снова прокрадывалось в её сердце. Выходило так, что она всё бросила, преодолела столь долгий путь только для того, чтобы снова оказаться в точно такой же ситуации. Надо было срочно что-то решить. Либо выбрать себе более или менее подходящего мужа, как советовал дядя, либо приготовить самостоятельно себя защищать, пока Майкл не подрастет. Конечно, она хорошо понимала Арчибальда, который надеялся оставить её семью и хозяйство в надёжных мужских руках. Но сама Кэтлин не хотела в них оказаться. Можно было, конечно, потянуть немного до весны, а там уже определиться. Возможно, что-то и поменяется за это время.

Приняв нелёгкое решение, женщина глубоко вдохнула остывающий осенний воздух и обернулась в поисках бутылки. Обычно дядя не был таким щедрым. Видимо, он уж очень хотел поскорее её сосватать. После наступления морозов в кладовой хранились мясо и мороженые овощи. Но пока что здесь был лишь собранный недавно урожай и пара больших бутылок хорошего ржаного виски.

Вернувшись в гостиную, Кэтлин обнаружила там уже слегка подвыпившую толпу. Закусывали в основном яблоками, поэтому самых слабых можно было уже отличить. Они медленно перемещались и довольно настырно смотрели на хозяйку немигающими блестящими глазками. Женщина старалась пропускать эти взгляды, отводя взор в противоположную сторону. Наиболее заинтересованные вели разговоры напрямую с Арчибальдом. Ведь именно он давал приданое, и к его решению Кэтлин должна была прислушаться. Остальные предпочли бесплатную выпивку и болтовню со знакомыми. Вероятно, приехали больше из любопытства.

Среди гостей, которые обступили хозяина дома, было несколько человек: пара похожих меж собой мужчин с редкими бородками, здоровенный детина, которого советовал дядя, и плешивый, хорошо одетый толстячок преклонного возраста. Кэтлин нервно сглотнула. И эти люди собирались к ней свататься.

— Эй, киска, выходи за меня! — послышался откуда-то издалека низкий скрипучий голос.

— Да ты ж женился год назад, — ответил ему со смехом другой.

— А что, могу и двух жён взять. Индейцам же можно. Или ты предпочитаешь двух мужей?

Голос явно намекал на двух братьев, которые крутились вокруг Арчибальда, и был крайне неприятен. Носитель его тоже не отличался красотой — невысокий хмырь с длинными жирными волосами и коричневыми гнилыми зубами. Он откровенно пялился на единственную в доме женщину, слегка наклонив голову, как делают любопытные собаки. Его собеседник шумно смеялся над остроумным вопросом и тоже ждал ответа.

Кэтлин промолчала, повернулась в другую сторону, разлила остатки виски в поднесённые ей кружки и быстро вышла из дома под предлогом присмотра за детьми. По большому счёту, она там была уже не нужна. Дядя сам разберётся со своими гостями. Женщина только надеялась, что он сможет их благополучно выпроводить до наступления темноты. Ночевать с толпой пьяных женихов в одном доме у неё не было никакого желания.

Дети следили за коровами и лошадьми, которые паслись примерно в миле от дома. Особенно был заинтересован Майкл. Дядя начал обучать его умению ездить верхом, без

которого прожить в этих краях было просто невысказано. При любой возможности мальчик теперь забирался на лошадь и ни за что не хотел с неё спускаться. Именно по этой причине он всегда с охотой соглашался участвовать в выпасе стада. Габриэль же побаивалась лошадей, за что брат постоянно над ней подшучивал. Но Кэтлин видела её восхищённые глаза, когда та украдкой наблюдала за этими благородными животными. Рано или поздно девочка обязательно научится ездить верхом.

— Мама, это мама! — громко закричал Майкл, издали увидев её со своей лошади. Подъехав, он осторожно остановил лошадь, дёрнув поводья на себя, как учил Арчибальд, но слезать не стал. В силу невысокого роста, спрыгивать на землю он пока толком не научился.

— Я знал, что ты придёшь. Мы даже поспорили с Габи. Она сказала, что ты выберешь одного из них, и он будет нашим папой. Это правда?

Радостные глаза мальчика заметно угасли при этом вопросе. Не дожидаясь ответа, он тихо добавил:

— Я не хочу ещё одного папу.

Кэтлин посмотрела на грустное лицо сына, который рассматривал поводья в своих руках и боялся поднять голову. Как бы ей хотелось, чтобы его глаза всегда улыбались и никогда не знали страха.

— Не волнуйся, малыш, я не дам вас больше в обиду, — единственное, что она смогла произнести, нежно потрепав мальчика.

— Мама, мама! — закричала подбежавшая Габриэль и обняла мать. Она не стала ничего спрашивать, понимая, что не в силах что-либо изменить.

* * *

— Тебе кто-нибудь понравился?

Не самый приятный вопрос за завтраком. Но Кэтлин уже давно его ждала.

— Дядя, я бы хотела немного подумать. Ты говорил, что у меня есть время до весны.

— Время-то есть. Но я бы не советовал так затягивать. Может, мне хочется посмотреть на твою свадьбу, — на этих словах Арчибальд хитро подмигнул племяннице.

— Братья Боуи очень тобой заинтересовались. Их отец давно присматривался к моей ферме. Так что они оба готовы на тебе жениться. Осталось только выбрать. Парни неплохие, хоть и несколько жадные, по-моему. Как и вся их родня. Но тут у нас выбор не велик, сама знаешь. Младший Паркер, которого я тебе показывал, тоже вчера подходил. На губах ещё молоко не обсохло — и он туда же. Но этот далеко пойдёт. Он мне нравится. Такой ладный и упёртый, как его отец Фрэнк. Мы с ним когда-то немного попроказничали в Бигфилде, когда тебя ещё на свете не было. Местный шериф нас быстро тогда осадил. Но сын у него поспокойнее будет. Этот больше думает о хозяйстве, а не о девках. Мы-то в его годы совсем другими были, — вспоминал дядя, доедая немного пережаренную яичницу. — А ты, я смотрю, готовить так и не научилась. Ну, это поправимо. Потренируйся пока. Твоя тётка поначалу тоже много еды перевела. Так что желудок у меня лужёный.

— Да, был ещё один «жених», — добавил Арчибальд, не дождавшись ответа, — Но этот тебе, наверное, совсем не понравится. Хотя на мой вкус, лучший кандидат. Сам уже в могилу смотрит. И хозяйство у него хорошее. Примерно в мои годы здесь начинал, а оставить некому.

— Да, я подумаю, дядя, — задумчиво произнесла миссис Браун.

Неожиданно яичница потеряла свой вкус, и кусок перестал лезть ей в горло. Ярко-рыжие желтки уже не казались самыми вкусными на свете. Завтрак потихоньку остывал.

— Кэтлин, твой сын неплохо держится в седле, — продолжил Арчибальд, видя, что разговор не клеится. — Но не позволяй ему далеко уезжать. Мы можем за ним не уследить. Да и сама знаешь, в этих краях не так спокойно, как кажется. Помоги ему сегодня с выпасом, покажи места, где трава ещё зелёная. Это в сторону той небольшой дубовой рощицы. Если что, дорогу обратно он и сам сможет найти. Заодно с окрестностями ознакомится. И девочку возьмите. Ей тоже полезно. Нечего дома сидеть. А я пока в огороде покопаюсь. В седле мне уже не так удобно, как раньше.

В это утро температура заметно опустилась. Кэтлин утеплита детей, вывела коров и оседлала лошадей, посадив Габриэль вместе с собой на Серого. Прохладный воздух непривычно охлаждал лёгкие. В городе, где они раньше жили, такие температуры были редки даже зимой. Но недовольство никто не проявлял. Майкл, наоборот, казался даже счастливым, оказавшись так далеко от дома. Его сестра хорошо держалась в седле впереди матери, но ещё не так уверенно. Поэтому у рощи она предпочла соскочить с лошади и пойти пешком.

Кэтлин хорошо помнила это место. Сюда она ездила с дядей за желудями и дубовыми вениками. Летом здесь была хорошая высокая трава, когда прерии выжигало солнцем. Сейчас же сохранились только пожухлые листья, всё, что осталось от когда-то роскошной листвы. Сами деревья выглядели довольно крепкими, хоть и немного осунувшимися. Эта небольшая роща была, как оазис в летнюю жару. На обратном пути им нужно будет проехать через небольшой ручей, появлявшийся только в период дождей, чтобы скотина напилась воды. Эти два места Кэтлин любила больше всего на ферме. А ещё она любила скакать по прериям, когда ветер дул в лицо, а лошадь прислушивалась к каждому движению. Дядя тогда был отличным наездником и с радостью занимался её обучением. Он сам объезжал новых лошадей и выделял девочке только самых послушных. Спустя годы многое забылось, но усидеть в седле Кэтлин ещё могла. Осталось только научить этому дочку. При мысли о дочери женщина вспомнила, что давно не видела её и стала торопливо озираться по сторонам. Габриэль нигде не было видно. Майкл один ехал впереди, собирая разбредаящееся стадо. Его сестра должна была быть где-то рядом.

— Габи! Габи, ты где? — громкий женский крик нарушил утреннюю тишину.

Кэтлин силилась не нервничать понапрасну. Девочка просто не могла далеко уйти. Постоянно оглядываясь, женщина, наконец, увидела дочь, быстро идущую в её сторону. Та была явно чем-то напугана.

— Там... там я видела волков, — запинаящимся голосом произнесла Габриэль, когда мать подъехала к ней. — И они что-то ели. Там кровь, очень много крови...

Глаза девочки были широко открыты от ужаса. Она крепко вцепилась в ногу матери, боясь её отпустить.

— Не переживай, милая, они ничего тебе не сделают. Это койоты. Они сами нас испугаются. Коровы для них слишком большие, а мы верхом на лошадях. Садись ко мне.

Взволнованная Кэтлин сама старалась поверить своим словам, поскольку не была уверена, что стая луговых волков не сможет на них напасть.

— Где ты их видела, дочка? — спросила она как можно спокойнее.

— Вон там, — девочка указала рукой за рощу, туда, где был небольшой обрыв. Вероятно, звери чувствовали себя в безопасности, прикрытые с одной стороны крутым склоном.

— Давай проверим на всякий случай, — предложила миссис Браун. — Нам нужно убедиться, что скотине ничего не угрожает. Заодно спугнём их, если понадобится.

При этих словах она нацупала приклад ружья, которое дядя предусмотрительно привязал к седлу Серого рано утром, и перекинула его через плечо, мысленно надеясь, что оно им не пригодится. Для дочери она должна хотя бы казаться уверенной.

Не особо переживая за производимый шум, Кэтлин подъехала к краю обрыва. Внизу действительно оказалось несколько койотов. Они не обратили никакого внимания на незваных гостей, будучи очень заняты. Судя по копытам и коротким рогам, койоты поймали молодого оленя и сейчас пировали за его счёт. Морды их были запачканы тёмно-красной кровью, пасти жутко скалились, показывая смертельно опасные зубы. То и дело раздавалось угрожающее рычание, когда животные пытались напасть друг на друга, чтобы отхватить лучший кусок мяса, который они с огромным усилием вырывали прямо из туши. Не удивительно, что девочка испугалась. Кэтлин саму выворачивало от этого зрелища. Зато теперь они уверились, что скотине ничего не угрожает. Хищники всё равно скоро насытятся. Можно было спокойно возвращаться. Женщина повернула лошадь, раздумывая о том, что однажды её дети могут оказаться одни рядом с койотами или индейцами, не дай бог. Необходимо было срочно научить их стрелять из ружья и револьвера. Может быть, Габриэль это умение никогда и не пригодится, но оружие здесь ещё никому не мешало.

* * *

В следующие несколько месяцев пришла зима, а с ней и обычные для этих мест морозы. Снег мог идти круглые сутки, сопровождаясь сильным бураном, а мог растаять буквально за одну ночь, если со стороны Скалистых гор дул тёплый ветер. Но если этот ветер был холодный, температура резко падала за один день, от чего голова старого Арчибальда жутко болела. В некоторые дни даже просто покормить скотину стоило огромных усилий. Уходила масса времени только на то, чтобы расчистить нанесённые за ночь сугробы. Ко всему прочему вода в колодце покрылась непробиваемой ледяной коркой, поэтому приходилось постоянно растапливать снег и запасаться им впрок.

Дети быстро освоились со своими новыми обязанностями. Утром, разбуженные дядей, они грели воду, запаривали зерно для скотины и вместе несли вёдра в сарай. Тем временем Кэтлин готовила завтрак на кухне. Пока дома была мука, она часто пекла пирожки с различными начинками. В холода молока и яиц не стало, поэтому пища стала скуднее, но женщине было не привыкать, ведь в городе у них часто не хватало продуктов, поэтому дети не успели избаловаться вкусной едой. Иногда в начале месяца после уплаты за комнаты семья попросту оставалась без денег. В этом случае взрослые просыпались пораньше и уходили на поиски хоть какой-нибудь подработки, за которую платили сразу. Дети тоже не сидели без дела, иной раз подрабатывая посыльными. Но пробиться на такую работу было крайне сложно, поскольку ребята с соседней улицы давно стояли в очереди на места. Майкл и Габриэль соглашались работать за меньшие деньги, за что порой получали тумачи. Но зато они покупали продукты и всегда были в курсе последних новостей. Мать с детства учила их грамоте по газетным статьям, что было гораздо интереснее различных религиозных книжек, типа «Второго пришествия» Майкла Уиглсуорта с жуткими картинками страшного суда, которые подсовывал дед Бенджамин.

Из дома они прихватили несколько английских книг, по которым дети продолжили заниматься на ферме. Не имея возможности отправить их на обучение, Кэтлин решила сама дать им все необходимые знания. Труднее всего ей когда-то давалась арифметика. Поэтому сейчас приходилось учить её практически заново. Благо, свободного времени по вечерам стало предостаточно. Неожиданно пришла на помощь и Габриэль. У девочки оказался довольно пылкий ум и масса терпения, чтобы возиться с мелочами. Порой она сама читала новую главу, а потом объясняла её маме и брату. Так они и учились. Арчибальд только посмеивался, когда обнаруживал их у жаркого очага за книгой. Ему-то никакие знания не понадобились, чтобы перебраться на другой материк и построить здесь ферму. Кэтлин для замужества они и вовсе негодились. А дети, если будут жить на ферме, тоже вряд ли ими воспользуются. Кроме того, мужчина был сыт по горло той литературой, которую его когда-то заставляли читать в англиканской воскресной школе. А вот его брату Бенджамину книги оказались по душе, да так, что потом он увлёкся пуританизмом и, подобно многим английским пуританам, покинул родину, уехав за океан. На Новой Земле все они мечтали начать новую жизнь, полностью согласованную с их религией и мировоззрением. Брата он взял по просьбе отца, дабы тот «увидел Господа и открыл глаза новой жизни», — как он тогда сказал. Но вышло иначе. Недавно вышедший из тюрьмы Арчибальд был молод и горяч. Он забрал свою долю наследства и уехал на запад в поисках приключений, оставив брата в городе. Лишь спустя несколько лет от него пришла первая весточка. Согласно новому закону, он бесплатно застолбил за собой участок в прерии недалеко от маленького посёлка под названием Бигфилд. Теперь он стал свободным фермером и жаждал увидеться с роднёй. Встреча братьев прошла хорошо. Бенджамин оценил возможность проводить лето на ферме и старался каждый год отправлять туда девочек с женой. К тому же он мог почти три месяца экономить на продуктах и наслаждаться покоем.

Ссора с Арчибальдом всё испортила. Старший брат не мог согласиться с воспитанием своих дочерей в стиле маленьких фермерш. Их мать не успела уследить, когда Кэтлин начала ездить на лошади, а Элеонора перестала молиться на ночь. Кроме того, он узнал, что брат общается с местными апачами, что стало последней каплей. Торговля или обмен опытом, ему было всё равно. Он говорил так: «Индейцы — это богохульные идолопоклонники и грубые дикари. Они хуже диких зверей, поэтому их необходимо изгнать, как незаконных узурпаторов благословенных земель Америки». Мнения братьев кардинально разошлись. Бенджамин в спешке увёз девочек, и с тех пор они здесь ни разу не появлялись. Зато теперь племянница привезла своих детей, и Арчибальд был счастлив увидеть их напоследок, словно собственных внуков. Только неустроенное будущее Кэтлин его очень тревожило. Но женщина была непреклонна, и он дал ей время до весны. За зиму ничего страшного не должно было случиться. В эту пору здесь обычно никто не появляется. Сугробы и холодные ветра отпугивали любого путешественника. Мало кто заходил сюда без особой надобности. Если Кэтлин выдержит зиму, то никуда уже не уедет. А значит, ферма останется в её руках. В конце концов, она и сама потом может решить, как и с кем ей здесь жить. На этой мысли тревоги Арчибальда обычно развеивались. Он наблюдал за подрастающими детьми и был счастлив.

Но как-то в особенно лютые морозы он не смог утром встать, чтобы покормить скотину, чем очень расстроил племянницу. Он остался в своей комнате и не притронулся к еде, только пил воду.

— Дорогая, не стоит беспокоиться обо мне. Я хорошо пожил, — прохрипел он миссис

Браун, сидевшей у его кровати.

Кэтлин в молчании опустила лицо в ладони. Тёплые солёные слёзы скатывались на деревянные половицы. С детства она любила дядю и всегда мечтала жить на ферме вместе с ним и тётей Бетти. Как-то она даже заявила об этом отцу, за что тут же получила громкую оплеуху. После ссоры Бенджамин не хотел ничего слышать о своём брате и тем более не мог допустить, чтобы дочери видели пример в его жизни. Тогда Кэтлин даже собиралась бежать к дяде, подробно планируя своё путешествие. А потом её довольно быстро выдали замуж. Теперь дядя лежит на смертном одре, и она даже не представляет, как будет жить на ферме без него. Мечта исполнилась, но была слишком быстротечна. Кэтлин взяла старую мозолистую руку и крепко сжала её своими ладонями.

— Не уходи от нас, дядя. Как же мы без тебя?

Из-за дверей осторожно выглянули детские личики, молча вслушиваясь в разговор. Они тоже прониклись общей атмосферой печали и с грустью смотрели на своего деда. Городского дедушку они особо не любили. Он почти никогда не приходил к ним в гости и предпочитал не приглашать их к себе. А когда появлялся, то был всегда серьёзен и необщителен. Арчибальд же, наоборот, всегда радостно болтал с ними и старался показать что-то новое, научить чему-то. Он был одним из немногих взрослых, кто им действительно нравился. Не готовые ещё прощаться, дети тихо вошли в комнату, наблюдая за реакцией матери, и по привычке присели на кровать деда с двух сторон.

— Дедушка, останься с нами! — еле слышно произнёс Майкл.

— Мы будем очень хорошо себя вести. Останься, пожалуйста, — добавила сквозь подступающие слёзы Габриэль.

Дети с такой тоской и нежностью смотрели на него, что Арчибальду было очень нелегко улыбнуться им в ответ.

— Не волнуйтесь, мои маленькие. Я вас многому уже научил. Вы справитесь без меня. Обязательно позаботьтесь о вашей маме. Она вас очень любит. Всегда слушайте её. А я всегда буду с вами здесь, — на этих словах он положил руку на грудь и замолк.

Дети, рыдая, бросились его обнимать. Старческая рука медленно гладила их по маленьким головкам. Кэтлин безмолвно рыдала, глядя на эту картину. Не в силах удержаться, она встала и крепко обняла старика. Брауны вздрагивали и всхлипывали, остро чувствуя ожидающую их потерю.

Арчибальд умер через несколько дней, так и не встав с кровати. Перед этим дети принесли для него в дом новорождённого телёнка. И он плакал, как ребёнок, увидев только что появившуюся жизнь. Раньше он только радовался приплоду, а теперь сам почувствовал, что всё в природе преходяще, одна жизнь, как ей и положено, сменяется другой. Он погладил ещё не просохшее от материнской жидкости тельце ослабевшими узловатыми пальцами. Телёнок оказался крепким и сильным, что было хорошим знаком. В тот вечер старого Арчибальда не стало. Кэтлин стойко приняла его смерть. Ей нельзя было раскисать. Кроме того, детям требовался хороший пример. Женщина не могла позволить им постоянно грустить. Она прервала занятия только на один день, чтобы попрощаться с дядей. Он заранее сам подготовил себе ящик для похорон. До весны его тело осталось в этом ящике в кладовой в ожидании тепла и возможности быть захороненным в талую землю. Яма тоже была заранее подготовлена под высоким дубом в роще, где лежала его жена. Сначала Арчибальд шутил, что это яма для продуктов. Но продуктовые ямы не копают так далеко от дома и их не делают столь похожими на могилы. Кэтлин не стала тогда ничего спрашивать, а перед смертью дядя

и сам рассказал ей об этом, подготовив к процедуре зимних похорон. Всё здесь было просто: смерть, погребение в могилу и никаких священников. Он их терпеть не мог, особенно после ссоры с братом. Племянница не стала нарушать волю покойного.

Кэтлин сделала всё просто, как и обещала. На импровизированных поминках она достала припрятанную специально для них вяленую рыбу. Дядя так долго ждал их приезда, что успел к нему хорошо подготовиться. А вот они к его смерти оказались совсем не готовы. Дети молча обгрызали и обсасывали вкусную рыбку. В городе её было много, но в прериях рыба считалась скорее деликатесом, потому как полноводные, непересыхающие летом реки встречались здесь очень редко. Женщина налила детям чай, а сама задумчиво пила непривычно крепкий для неё виски. Обычно она ненавидела этот напиток, принёсший им столько горя. Но сейчас механически глотала его из мутного стеклянного стакана. Ей просто необходимо было немного расслабиться. Впереди предстояло ещё немало трудностей, с которыми она должна будет справиться. Главная из них касалась хозяйства. Появился первый телёнок, скоро их станет больше, ожеребятся лошади. Всех нужно будет кормить и поить. Теперь она не имела права неверно рассчитывать запасы продуктов, иначе они не протянут до тепла. Кроме того, Кэтлин не представляла, где будет брать свежее мясо, поскольку скотину всегда забивал дядя. А там ещё предстояли большие траты на зерно, подготовка земли к посеву и возможные визиты соседних фермеров, если они узнают, что здесь проживает одинокая женщина с детьми.

— Боже, — тихо произнесла она в ответ на собственные мысли.

Раньше у миссис Браун была только одна цель — уехать. Теперь появилась новая — выжить.

* * *

К середине марта Кэтлин уже всерьёз задумалась о том, что ради своего будущего и будущего детей ей действительно придётся снова выйти замуж. Однажды издалека она видела всадника, проскакавшего в сторону Бигфилда. В следующий раз это может оказаться банда разбойников или индейцев. Одной ей с ними точно не справиться. К тому же, она не так много помнила о жизни на ферме. Арчибальд научил её всему, что успел, но он уже не мог показать ей, как сеять пшеницу и заботиться о больной скотине. Ей очень не хватало такого опыта. В момент бегства она была слишком самонадеянна. Сейчас же ей приходилось мириться со многим, с чем она раньше никогда не сталкивалась. Она очень расстраивалась, видя слабевшего с каждым днём рыжего жеребёнка. Он уже с трудом ходил и заваливался на мягкое сено, что падало из кормушки матери. Его молчаливые глаза с огромными ресницами смотрели так смиренно и безнадежно, что женщина боялась в них заглядывать. Больше всего она переживала из-за того, что не знала, как ему помочь. Она сама поила его из бутылочки, но этого оказалось явно не достаточно. Жеребёнку не суждено было выжить. Глядя на него, Кэтлин представляла своих детей и слёзы наворачивались ей на глаза. Она не могла позволить этому повторяться.

Как только дороги стали проходимыми для повозки, семья Браунов поехала в Бигфилд за провизией. Снег давно сошёл, но земля ещё долгое время была слишком влажной. Кэтлин хорошо помнила их осеннее путешествие, чтобы решиться вновь увязнуть в грязи. Поэтому она подождала пару недель, пока весеннее солнышко основательно не подсушило землю.

— Майкл, Габби, пожалуйста, видите себя хорошо. Я не хочу за вас краснеть, — предупредила она детей перед тем, как выехать.

— Конечно, мама, — ответили они хором.

— Мы всегда хорошо себя ведём, — добавила девочка с улыбкой. Сегодня она была одета в нарядное жёлтое платье, и ей не терпелось показаться в нём на людях.

Кэтлин медленно вздохнула, и они тронулись с места. Она взяла лошадей Арчибальда, надеясь на то, что они помнят дорогу лучше неё. Застоявшиеся в стойле животные нетерпеливо дёргали головами и выпускали клубы прозрачного пара на лёгком утреннем морозце. Солнце бодро поднималось из-за горизонта. Впереди у них был целый день, чтобы найти нужную дорогу.

К счастью, лошади действительно сами довели их до Бигфилда. Женщине требовалось лишь задать направление. Всю дорогу Кэтлин и дети болтали, осматриваясь по сторонам в попытке запомнить новый путь. Из-за однообразного пейзажа в прериях было очень легко заблудиться, поэтому они старались обращать внимание на любой необычный предмет: ствол засохшего дерева, странной формы скалу или глубокую рытвину, чтобы ориентироваться на обратном пути.

Найти магазин среди нескольких десятков домов оказалось довольно просто. Он располагался на маленькой центральной площади рядом с почтой и офисом шерифа. Остановив лошадей напротив входа, Кэтлин оставила детей у повозки и направилась за покупками. Ей срочно нужно было обновить их гардероб и пополнить давно истощившиеся запасы провизии. Кроме того, в магазине можно было узнать последние новости, в частности о ежегодных ярмарках скота, на которых она надеялась продать часть своего поголовья. Два раза в год в самом начале лета и осени небольшой посёлок становился центром сбора для десятков фермеров. В эти дни здесь можно было купить любую скотину или птицу. В основном их брали на мясо или для обновления поголовья. Арчибальд был одним из старейших участников этих ярмарок. Кэтлин хорошо помнила, как любила в детстве приезжать на них. Она всегда восхищалась крепкими ковбоями и их шикарными подругами. А каких быков выставляли тогда на продажу! Маленькой девочке хотелось провести рукой по мускулистому телу каждого из них, несмотря на свирепые взгляды и громадные рога. Нетерпеливые и порой даже агрессивные, они всегда поднимали много пыли и, казалось, готовы были умчаться на край света, если бы их отпустили на волю.

Дядю знали и уважали все местные фермеры, поэтому им доставались лучшие места на выезде и различных смотрах. Сейчас, наверное, всё изменилось.

— Добрый день, миссис Браун! — звонкий голос вывел её из размышлений. — Приехали за покупками?

— Добрый день, миссис Стоун! Да, пора уже готовиться к новому сезону.

Невысокая пожилая женщина с бегающими глазками и копной седых волос, собранных в высокий пучок, была одной из главных сплетниц в Бигфилде в силу своей профессии. Несмотря на преклонный возраст, она могла похвастаться отличной памятью на лица.

— А я знала, что вы приедете. Все местные фермеры у нас уже побывали. Я прекрасно помню, как по осени они рассказывали, что к Арчибальду приехала племянница. Поэтому мы вас и ждали. Как поживает ваш дядя? В последний его приезд он выглядел не очень.

— Сейчас ему лучше. Спасибо, — не моргнув глазом, ответила миссис Браун.

Соврать оказалось не так сложно. О смерти Арчибальда она решила пока никому не рассказывать, дабы избежать лишнего интереса. Пусть лучше все думают, что в их доме есть

мужчина.

Следующие полчаса Кэтлин занималась покупкой продуктов и подбором новой одежды, пока не услышала шум на площади. Сначала она подумала, что это обычная уличная суета. Но голоса становились всё громче. Она уже различала грозные крики и брань. Расслышать можно было только отдельные слова о ненавистных индейцах. Взволнованная женщина торопливо оплатила покупки и вышла на улицу, опасаясь за детей и повозку. В центре площади она увидела толпу местных жителей, которые окружили какого-то несчастного и, судя по всему, требовали для него наказания. Мужчины, женщины и даже дети выкрикивали ругательства и старались при возможности пнуть свою жертву или кинуть в неё камень.

Кэтлин забралась на козлы и уже собиралась уехать, когда услышала шёпот Майкла возле самого уха:

— Мама, это тот индеец.

С высоты повозки она попыталась рассмотреть лицо скорчившегося бедолаги. Тот же невозмутимый взгляд на смуглом грязном лице, та же поношенная шляпа. Тонкий шрам на левой щеке только подтвердил догадку Майкла.

— Что здесь происходит?! — громкий мужской голос потребовал разъяснений. Звезда шерифа еле заметно поблескивала на его пыльной куртке. — Я требую разъяснений!!

— Она украла трёх коров у Паркеров!

— Выгнать всех краснокожих!

— Повесить её!

— Житья нет от этих дикарей!

Раздались разрозненные крики из толпы. В шуме голосов Кэтлин слышала всю ненависть переселенцев к индейцам. Раньше она никогда не сталкивалась с этим так близко. В городах индейцы бывали редко, да и здесь они старались не появляться. Бесконечные войны и конфликты на новых территориях приучили их держаться подальше от переселенцев. Но те занимали всё новые земли, и встречи их были неизбежны.

— Хватит орать! Объясните мне подробно, что случилось! — потребовал, наконец, шериф.

Вперёд вышел тот самый молодой парень, который осенью приезжал свататься к Браунам. Активно жестикулируя, он начал свой рассказ несколько сбившимся голосом:

— Сегодня утром она украла наших коров! Она постоянно тут ошивается. Эти краснокожие уже достали! Надо выгнать их отсюда. Зря её тогда не убили.

— Почему ты не остановил её? — шериф прервал поток возмущений младшего Паркера.

— Если бы я был там, я бы застрелил её на месте!

— То есть ты не видел, что это именно она украла коров?

Вопрос, казалось, несколько удивил парня.

— Так больше и некому. Кроме краснокожих здесь никто не ворует. Да вы только гляньте на неё. Эта гордячка даже говорить с нами не хочет.

Кэтлин снова посмотрела на индианку. Взгляд её оставался таким же непроницаемым и равнодушным, как будто всё это происходило с кем-то другим. На лице красовалось несколько свежих ссадин, одежда была вся перепачкана и кое-где порвана. Правая рука придерживала, видимо повреждённое, левое плечо.

— Она не могла этого сделать! Я видела её утром возле своей фермы.

Кэтлин сперва даже не узнала собственный голос. Все лица одновременно обернулись в её сторону. Она же не собиралась ничего говорить. Она хотела просто уехать. Руки нервно

затеребили поводья.

— Кто вы? — последовал резонный вопрос шерифа. Деваться теперь было некуда.

— Я Кэтлин Браун. Моя ферма находится примерно в 20 милях западнее Бигфилда.

— Вы родственница Арчибальда Брауна, как я понимаю?

— Да, я его племянница.

— Так вы утверждаете, что сегодня утром видели эту женщину возле своей фермы?

— Да, шериф. Сегодня утром, когда я выезжала из дома, я заметила эту женщину. Она бы никак не успела доехать до фермы мистера Паркера и угнать коров, ведь его ферма находится в противоположной стороне от Бигфилда.

— Вы уверены, что это была именно она? — настаивал голос. — Вы совсем недавно в наших краях.

— Да. Мы уже виделись раньше, поэтому я её и узнала.

Толпа разочарованно зашумела, явно не одобряя такой поворот событий. Страх медленно пробирался в сердце Кэтлин, подтачивая её внешнюю уверенность. Она уже почувствовала слабое подрагивание пальцев и нарастающее напряжение во всём теле, заставившее её замереть в ожидании. Зачем она вообще открыла рот? Только для того, чтобы вернуть старый долг?

— В таком случае я считаю обвинение ошибочным, пока не доказано обратное, — резюмировал шериф после недолгого молчания. — Прошу всех разойтись! А вы, миссис Браун, подойдите, пожалуйста, ко мне.

Кэтлин с трудом заставила своё тело повиноваться и спрыгнула на землю. Толпа нехотя расступалась, пропуская её к своей жертве.

— Расходимся, расходимся! Тут вам не цирк, не на что смотреть, — поторапливал шериф ворчащую массу.

Женщина поймала на себе несколько злобных взглядов, но решила не обращать на них внимание. Всё-таки это она испортила им развлечение. Наличие представителя закона её несколько успокаивало.

— Я же сказал, расходитесь! — на этот раз обращение было направлено в сторону младшего Паркера, который, казалось, и не думал никуда двигаться, рассматривая приближающуюся к нему фигуру.

— А в доме у дяди вы были намного скромнее, — наконец прервал он молчание.

— Извините, что я вмешалась. Однако вам нужно найти настоящих угонщиков, — почему-то Кэтлин непременно хотелось извиниться за свой поступок. Наверное, хорошее воспитание давало о себе знать. Но пути назад уже не было.

— Обязательно найду! — на этих словах парень резко развернулся и, не оглядываясь, направился в противоположную сторону.

— Том, потом зайди ко мне и расскажи всё в деталях! — крикнул шериф ему вслед.

— Не стоит, сам разберусь! — последовал краткий ответ.

— Упрямый баран, — процедил владелец звезды сквозь зубы.

Это был солидный мужчина с роскошными рыжими усами и такой же шевелюрой. «Ирландец», — подумала про себя Кэтлин. Привыкшие к здешнему солнцу глаза его несколько сузились, прежде чем посмотреть в её сторону, что выдало слабеющее зрение. Обветренное суровое лицо, как ни странно, не выглядело угрожающим. И было даже немного знакомым. Да, конечно же, это Уильям Томпсон. Он был помощником шерифа и помогал Арчибальду в каком-то мелком конфликте на ярмарке. Но тот безусый юнец теперь здорово

изменился.

— Миссис Браун, я бы посоветовал вам забрать свою знакомую и поскорее покинуть Бигфилд. Я не хочу неприятностей. Люди сейчас крайне взволнованы.

— Конечно, шериф. Спасибо вам.

Наконец-то они могли уехать отсюда. Но уже следующая мысль несколько озадачила женщину. Только сейчас она поняла, что даже не представляет, что ей делать дальше.

— Поехали со мной, — уже менее уверенно произнесла Кэтлин в сторону индианки.

Ответа не последовало. Пугающий пустой взгляд был направлен куда-то сквозь неё. Молчание затягивалось, и миссис Браун уже подумала, что зря затеяла всю эту авантюру, когда незнакомка выпрямилась и, заметно прихрамывая, медленно побрела в её сторону.

— Мне нужно забрать лошадь, — произнесла она, подойдя к повозке.

Тот же самый чистый английский, что так удивил женщину при их первой встрече. Даже сейчас она не могла привыкнуть к мысли, что слышит его из уст индейской девушки. Но разговор требовал продолжения.

— Где твоя лошадь?

— Я оставила её у скорняка^[2].

— Залезай со мной на козлы. Покажешь дорогу.

Как ни странно, они вполне могли разговаривать. Ещё несколько месяцев назад Кэтлин ни за что бы не поверила, что когда-нибудь будет вот так просто общаться с индейцем. Жизнь здесь в корне отличалась от той, что они вели в городе. Только люди и их ненависть к местным племенам оставались прежними. Прикрываясь религией и чувствуя себя сильнее, они готовы были убить человека только за его принадлежность к другой расе. На самом деле, в этот момент ревушей толпе было совершенно не важно, кто именно украл скот, потому что она увидела образ своего непримиримого врага. Миссис Браун передёрнуло от одного воспоминания об этом ужасном зрелище.

Но на следующей остановке их ожидало продолжение. Когда незнакомка отвязывала свою лошадь, к ней подошёл скорняк, пожилой светловолосый мужчина с маленькими злыми глазками:

— Ты думаешь, что я буду покупать у тебя шкуры, воровка?! Кто бы мог подумать?! Да твоя выделка просто ужасна! Я и так платил тебе слишком много. У нас и своих трапперов достаточно. Не только индейцы умеют охотиться.

— Смотри, как бы на тебя охота не начались, — добавил он, выдавив из себя усмешку.

— Она не краля коров, — попробовала вмешаться Кэтлин.

Индианка молчаливо принимала все обвинения. Не удивительно, что ей было так легко приписать всё, что угодно.

— Все они так говорят, — не успокаивался мужчина. — А потом снимают скальпы с семей бедных фермеров. Больше не приходи ко мне! — на этих словах мужчина ушёл в лавку, громко хлопнув тяжёлой дверью.

Осторожно забравшись на лошадь, девушка безошибочно тронулась в сторону фермы. «Она хорошо ориентируется», — подумала про себя Кэтлин. Эта мысль её даже немного напугала. На выезде из поселения индианка сохранила верное направление, и лошади как будто сами пошли за ней вслед.

— Ты знаешь, куда мы едем? — на всякий случай решила уточнить женщина.

— Я знаю, где находится ферма Бруанов, — краткий ответ не требовал продолжения, и дальнейшая дорога прошла в полной тишине, если не считать редкого фырканья лошадей.

Даже дети сохраняли непривычное для них молчание, изредка с любопытством поглядывая в сторону индианки.

Добравшись до фермы, незнакомка не стала спешиваться. Убедившись, что они приехали, она решительно повернула лошадь в другую сторону и уже собралась уезжать, когда услышала голос за своей спиной.

— Подожди! Уже темнеет. Ты можешь остаться на ночь у нас. Ты и так еле держишься на ногах.

Кэтлин и сама не очень понимала, зачем говорит всё это, но вид измученной индианки не мог оставить её равнодушной. Кроме того, она заметила, что та практически не двигала левой рукой. Вероятно, она была ранена.

Какое-то время девушка неуверенно смотрела на свою лошадь, потом повернулась на голос и резко спрыгнула на землю, осторожно поставив левую ногу. Похоже, ей действительно нужна была помощь.

— Дети, я сейчас загоню лошадей, а вы потихоньку переносите покупки в дом.

С этими словами Кэтлин сошла с козел и принялась отстёгивать лошадей.

— Ты можешь оставить свою лошадь в конюшне, — посоветовала она их гостье. Там есть немного сена. Я покажу тебе.

По дороге к сараю, женщина вспомнила рассказы о том, как банды индейцев угоняют скот и лошадей. Но такие бандиты обычно не приходили в лавки скорняков сдавать шкуры. К тому же, местные явно знали эту девушку. Кэтлин очень пожалела, что не успела расспросить дядю подробнее на её счёт.

В конюшне незнакомка расседлала свою лошадь и поставила её в стойло. После этого она кинула небольшое покрывало в угол, где размещалась утренняя порция сена.

— Погоди, погоди, тебе надо немного поесть, — запротестовала Кэтлин, поняв, что та собиралась остаться здесь на ночь. — Мы сейчас будем ужинать. Тебе тоже стоит подкрепиться.

— Я приготовлю блинчики с яблочным джемом, — добавила она, увидев сомнение на смуглом лице.

Долго уговаривать не пришлось. Молчаливая гостья бросила последний взгляд на свою лошадь и последовала за хозяйкой.

В доме миссис Браун несколько расслабилась. Она заставила индианку разуться и надеть тёплые пуховые носки из овечьей шерсти, что когда-то связала ей мать. Они быстро растопили печь, и женщина принялась за готовку. Но любопытство не покидало её.

— Скажи хотя бы, как тебя зовут. Мы ведь даже не знаем, как к тебе обращаться.

— Меня зовут Мия, — последовал краткий ответ. — Обычно меня не приглашают в гости.

Кэтлин, не зная, нужно ли ей что-то добавить и решила промолчать. Но тишина продлилась недолго.

— Почему вы помогли мне? — неожиданно спросила девушка.

— Ты тоже помогла нам. Считай, что я просто вернула тебе долг.

— Вы тоже считаете, что я угнала скот? — вопрос был задан без каких-либо эмоций. Но женщина чувствовала, что ответ на него крайне важен для индианки.

— После того, как младший Паркер рассказал шерифу, что произошло, я поняла, что он в глаза не видел никакого грабителя. Я не могу быть уверена, но очень надеюсь, что это была не ты.

С этими словами Кэтлин посмотрела в сторону своей гостьи, ожидая ответа. На смуглом лице ничего не изменилось. Оно было всё таким же непроницаемым, как при их первой встрече.

— Я не угоняла его скот.

«Очень хочу в это верить», — добавила про себя женщина.

Ужин прошёл в непривычной тишине. Кэтлин уложила уставших от дороги детей и повернулась к удаляющейся фигуре.

— Подожди немного. Позволь хотя бы осмотреть тебя. У тебя повреждена рука, я могу тебе чем-нибудь помочь?

Воспользовавшись заминкой своей гостьи, женщина достала из шкафа чистое полотенце и остатки дядиного виски.

— Мия, сними, пожалуйста, рубашку. Тебя нужно хотя бы осмотреть и обработать раны.

Незнакомка не стала ждать ещё одного предложения и осторожно сняла с себя то, что уже несколько лет служило ей одеждой. Когда-то она сама смастерила её из шкуры молодого оленя, помня, что точно такая же была у матери. Теперь одежда требовала серьёзной починки.

Кэтлин догадывалась, что увидит ссадины и синяки, но не ожидала, что их будет так много. Вероятно, жители начали закидывать её камнями, прежде чем привели к шерифу. Многие синяки уже потемнели и выделялись бурыми кровоподтёками на смуглой коже. Особенно большие обнаружили на левом плече и ноге. Женщина сделала несколько компрессов, стараясь не смотреть в карие отстранённые глаза. Пока она проводила свои манипуляции, индианка не проронила ни звука, как будто в этот момент она была где-то очень далеко.

* * *

Наутро, когда Кэтлин проснулась, следов незнакомки в доме уже не было. Кровать в общей комнате, где она оставила её с компрессами, была пуста. Вероятнее всего, их гостья просто вернулась в конюшню. В этом следовало убедиться, чтобы избежать неприятностей. О случаях угона скота ходило немало слухов. Холодная родниковая вода несколько успокоила миссис Браун. При бледном утреннем свете она разбудила детей и вместе с ними пошла на двор.

Индианка, действительно, оказалась в конюшне. Она как раз заканчивала седлать свою лошадь.

— Привет! Ты уже уезжаешь?

Теперь женщине почему-то стало даже немного грустно от того, что девушка так быстро их покидает.

— Да. Мне пора. Спасибо, что помогли.

Кэтлин оставалось только пошире раскрыть ворота конюшни, пропуская внутрь холодный воздух ранней весны. Незнакомка привязала к седлу старенькое одеяло и уверенным движением запрыгнула на лошадь. На прощанье она так же коснулась своей шляпы, как при их первой встрече, и исчезла за воротами.

— Мама, а она ещё вернётся? — поинтересовался Майкл, закрывая тяжёлую дубовую дверь.

— Не знаю, малыш. Мне кажется, мы её ещё увидим. А сейчас закинь, пожалуйста, в ясли^[3] сено, чтобы лошадам было, что покусать.

Животные встретили еду довольным ржанием, шумно перетаптываясь с ноги на ногу. Кэтлин нравились эти обычные утренние звуки. Они подбадривали её, когда на сердце было беспокойно. Скоро нужно будет готовить землю для посева, менять покосившийся забор, выгонять на пастбище застоявшийся за зиму скот. Пока что всё это представлялось женщине с большим трудом. В такие моменты ей очень не хватало мудрого совета старого Арчибальда.

Через несколько дней солнце стало припекать ещё активнее. Практически вся зимняя грязь высохла. Кое-где даже пробивались первые зелёные ростки. Брауны, наконец, выгнали скот на улицу. Коровы с непривычки долго не отходили от сарая. Лошади первыми пошли в сторону дубовой рощи на поиски желудей. Кэтлин была довольна, смотря на гуляющих животных. Майкл всегда с охотой сопровождал их. Он уже довольно сносно держался в седле, а выгул скотины давал ему возможность потренироваться разным трюкам, которые когда-то показывал дед.

— Мама, смотри, как я умею! — вновь прокричал он, обеими ногами забравшись на седло.

— Молодец, Майки! У тебя здорово получается. Только будь осторожен, пожалуйста, и не уезжай далеко. Не забывай смотреть, чтобы быки не ушли в прерии.

— Хорошо, мама!

— А мне кажется, что он просто выпендривается, — сказала подошедшая Габриэль.

Кэтлин видела, какими глазами она наблюдала за скачущим братом. Скорее всего, она просто немного ему завидовала, потому что сама всё ещё побаивалась лошадей.

— Зато он уже уверенно держится в седле. Надо будет и тебе обязательно научиться.

— Нет, это только для мужчин и индейцев. А я лучше пойду приготовлю творог из прокисшего молока. Надо же кому-то вас кормить.

Женщина не нашлась, что на это ответить. Иногда её дочь казалась ей слишком взрослой для своего возраста. Габриэль ещё придётся узнать, что на ферме не бывает разделения на только женский и мужской труд. Они будут вынуждены делать здесь всё ради собственного выживания. С этими мыслями она взяла топор и поскакала в сторону дубовой рощи. Ей нужно было сменить несколько подгнивших столбов и часть жердей у забора, чтобы скотина не могла случайно забрести в огород и лишиться их будущего урожая.

Кэтлин понадобилось немало времени, чтобы выбрать подходящее дерево. Его должно было хватить минимум на три столба. В детстве она много раз видела, как дядя рубил деревья. Всегда это выходило у него складно и быстро. Дети обычно только обрубали сучья. Теперь же перед ней возвышался довольно крепкий невысокий дуб, и не было похоже на то, что он легко сдастся. Женщина сделала глубокий вдох и подошла к дереву. Первый удар едва вогнал лезвие в древесину, которая оказалась необычно крепкой. Недаром из этого дерева здесь строили дома. Второй, третий, четвёртый удары, Кэтлин уже начинала выдыхаться, а дуб даже не шелохнулся. Ещё несколько взмахов — и сил у неё больше не осталось. Уставшая миссис Браун обессилено присела на корточки, облокотившись спиной об упрямое дерево. Сбившееся дыхание потихоньку успокаивалось, но напряжённые руки заметно подрагивали даже от тяжести дядиного топора. Она уже готова была заплакать от отчаяния, когда услышала хруст веток прямо у себя за спиной. Тут же в её голове пронеслась мысль, что Майкл пасёт скотину и не должен был ехать за ней следом, а Габриэль осталась одна дома. Забыв о том, что потраченных силах, женщина схватила покрепче топор и обернулась

навстречу неизвестности. Каково же было её удивление, когда за спиной она обнаружила недавнюю гостью, которая приветствовала её уже знакомым касанием шляпы. Незнакомка не подала виду, что придавала какое-то значение замеченной угрозе.

— Добрый день, мэм. Я привезла вам зайца. У него довольно вкусное и нежное мясо. Вашим детям должно понравиться.

— Да, спасибо, — еле выдавила из себя Кэтлин, когда, наконец, смогла заставить себя немного расслабиться и медленно опустить топор. — Ты меня напугала.

— Извините, я думала, вы услышите лошадь. Но вы были очень заняты. Может быть, я смогу чем-то помочь?

— Нет, не надо... — неуверенно начала женщина, всё ещё приходя в себя. — Хотя без помощи мне здесь явно не обойтись, ты права. Я, пожалуй, соглашусь на твоё предложение. Спасибо!

— Тогда я сначала отвезу зайца в земляную яму, чтобы он не испортился, и сразу вернусь.

На этих словах всадница развернула лошадь и с криком «йааа» поскакала в сторону дома. Кэтлин только надеялась, что дети не испугаются так же, как она сама. Но уже через несколько мгновений фигура на лошади снова появилась перед ней. Индианка аккуратно спрыгнула на землю и забрала топор из неуверенных рук миссис Браун.

Её движения были на удивление точными и сильными. Топор слушался беспрекословно — и через некоторое время дуб начал поддаваться. Когда треть ствола была вырублена, незнакомка отослала Кэтлин в сторону и так же спокойно продолжила свои действия. Со стороны казалось, что она даже не устаёт. Хотя женщина прекрасно помнила, как тяжело ей самой давался каждый замах, и как безрезультатен он в итоге оказывался. Завтра, наверное, у них будет жутко ломить спину.

— Осторожно! — раздался внезапный крик.

Дерево рухнуло с неопишуемым шумом и треском. Миссис Браун даже не успела закрыть глаза от страха и восторга. На земле дуб показался просто огромным. Его ствола точно должно было хватить на несколько столбов для забора и ещё множество жердин. Остатками они будут топить печь. Арчибалд заготовил много дров, но зима забрала большую их часть. Тем более, что теперь они отапливали больше жилых комнат.

— Я схожу домой за вторым топором. Обрубить сучья у меня обычно получалось лучше, — произнесла всё ещё удивлённая Кэтлин.

Первый раз индианка увидела улыбку на лице этой белой женщины. Она оказалась довольно красивой: светлые локоны обрамляли тонкое милое лицо с нежной бледной кожей. Обычно Мия не позволяла себе так пристально разглядывать белых, но тут просто не смогла удержаться. Что-то необычное было в этой женщине. Она не казалась похожей на остальных. «Интересно, для чего ей этот дуб? У него довольно прямой ствол. Вероятно, ей нужны какие-то опоры. И где её мужчины?» — вопросы в голове девушки перебивали друг друга, оставаясь без ответа. Женщины в этих краях, конечно, занимались многим, но подобную работу обычно поручали мужьям.

По возвращении Кэтлин увидела, что незнакомка занимается обрубкой нижних, самых толстых веток. Её движения выглядели спокойными и сосредоточенными, как будто она не чувствовала никакой усталости.

— Хочешь пить?

Стук топора прекратился. Индианка взяла протянутую ей флягу, сделала пару глотков и с

благодарным кивком передала обратно. Всё-таки она была обычным человеком, которого тоже иногда мучила жажда.

Ближе к вечеру им всё-таки удалось справиться с дубом. Из него вышло целых пять хороших столбов и множество веток, пригодных для жердей и растопки. Всё это на лошадях было перевезено к дому. Майкл с радостью занялся подготовкой дров, а женщины — ужином. Мия разделала зайца, Кэтлин потушила его с картофелем. Получилось одно из самых вкусных блюд, что они когда-либо пробовали.

— Мама, я научусь стрелять и тоже принесу нам зайца. Он намного вкуснее говядины, — сказал мальчик, обглаживая остатки мяса с мелких косточек.

— Ты прав, малыш, — согласилась его мать, посмотрев на добытчицу.

Индианка уже давно поела. Она взяла себе небольшой кусок мяса и три картофелины, оставив остальное детям. Весь ужин гостя молчала, вероятно, ожидая его завершения. По её непроницаемому взгляду никогда нельзя было точно сказать, о чём именно она думает.

— Что ты теперь будешь делать? Мне кажется, что у тебя появились враги — осторожно начала Кэтлин.

— Они никогда не были мне друзьями. А без долларов я вполне смогу обойтись. Животных здесь пока хватает на всех. Если белых станет больше, вероятно, придётся уйти на запад.

— Извини, что расспрашиваю. Я никогда раньше не встречала индейцев, которые так хорошо говорят на английском. У вас в племени был английский миссионер?

— Я никогда не жила в племени.

Индейские глаза при этом снова никак не изменились. А вот европейские очень удивились.

— Разве твои родители не индейцы? — вопрос Габриэль опередил всех остальных.

— Мой отец был белым. Но цвет кожи мне достался от матери.

Только теперь Кэтлин поняла, что лицо гостя при ближайшем рассмотрении действительно чем-то напоминало их собственные: такие же скулы, подбородок. Но индейская кровь оказалась заметно сильнее. Непосвящённый вряд ли бы догадался о смешанном происхождении.

— Ты живёшь здесь одна? — женщина, наконец, задала вопрос, который её уже давно мучил. Почему-то это казалось ей совершенно невозможным. Хотя индейцы и приспособились к местным условиям, Мия не была похожа на отшельницу.

— Да.

— Ты сама охотишься? — не унимался Майкл.

— Да, конечно. Иначе мне пришлось бы умереть от голода.

Кэтлин поёжилась от подобной перспективы. К сожалению, страх голодной смерти был суровой действительностью в здешних краях. Засуха, пожар и падёж скота убивали множество переселенцев.

— Ты можешь пока что остаться у нас, — неожиданно предложила женщина.

Пара удивлённых детских глаз уставилась на мать.

— Дядя Арчибальд умер этой зимой. Без него нам очень тяжело. И, честно говоря, я боюсь жить здесь одна с детьми, — пояснила Кэтлин.

Следовало признать, что она действительно поторопилась с решением переехать на ферму. Она знала, что дядя долго не протянет, однако не успела обдумать, как будет обходиться без него. Индианка, вероятно, была не лучшим вариантом его замены, но принять

в дом нового мужчину миссис Браун боялась ещё больше. Это означало бы доверить ему своих детей и хозяйство. Окажись он не тем человеком — и им уже некуда будет бежать. А дел на ферме скопилось действительно много. Одним им было не справиться.

Молчание затягивалось. Гостья раздумывала.

— Сейчас я не смогу тебе платить. Но ты всегда будешь сыта и у тебя будет крыша над головой. Если дела пойдут в гору, я стану выплачивать тебе твою долю. Нам всем от этого будет только лучше.

— И ты не боишься жить рядом с индейцем?

Вопрос Мии ухватил самую суть страхов её собеседницы, потому женщина внутренне сжалась, обдумывая его. Невозмутимый взгляд внимательно следил за изменениями на её лице. Казалось, индианка не ждала никакого ответа, прочитав его на смутившемся лице. Кэтлин пришлось приложить усилие, чтобы собраться и посмотреть на девушку.

— Честно говоря, поначалу я очень боялась тебя, — призналась она. — Если бы ты не говорила по-английски, мы, наверное, никогда бы и не стали общаться. Но сейчас у меня не такой уж большой выбор. Сами мы можем просто не справиться с фермой. Сейчас нам необходим помощник.

Девушка раздумывала недолго, отозвавшись на искреннюю просьбу в красивых голубых глазах.

— Я могу остаться на какое-то время, — согласилась она. — Если кого-то из нас это не устроит, я уеду.

Миссис Браун, наконец, расслабилась. Она одновременно ждала этого ответа и боялась его. Предложение индианки выглядело разумным. Кто знает, что произойдёт, когда она поселится на ферме.

— Сейчас уже поздно. Ты можешь с сегодняшнего дня остаться с нами. И, пожалуйста, зови меня просто Кэтлин.

— Хорошо... Кэтлин. Завтра мне нужно будет только привезти некоторые вещи.

— Конечно. Мы не будем тебя держать, если тебе что-то понадобится. Я постелю тебе в гостиной.

— Не стоит. Я могу спать в конюшне. Там не так холодно, как на улице. Одеяло я всегда вожу с собой.

Женщина решила не настаивать.

— Я рада, что мы договорились. Надеюсь, что ты не разочаруешься.

Новых эмоций на смуглом лице не появилось. Но миссис Браун показалось, что оно стало немного мягче.

Утром Кэтлин обошла весь двор в поисках своей гостьи и уже начала беспокоиться, когда с опозданием вспомнила, что та собиралась уехать за вещами. Сознание, что рядом с ними поселился мало знакомый человек, тем более, совсем другой расы, всё ещё пугало её. С другой стороны, совсем без помощи они могли здесь просто не выжить. В такой ситуации она готова была решиться на многое.

— Мама, у нас теперь будет жить индеец? — спросил любопытный Майкл, вынырнув из-за двери сарая на улицу вместе с сестрой. Дети тоже не могли свыкнуться с этой мыслью.

— Да, она будет нам помогать и жить у нас.

— А разве индейцы не воруют маленьких детей? — поинтересовалась Габриэль.

— Только самых непослушных, — пошутила их мама, понимая, что вопрос девочки был на самом деле очень серьёзным. Нужно было как-то объяснить им разницу.

— Её зовут Мия. Она нам помогла, поэтому я ей доверяю. Но если что-то пойдёт не так, обязательно скажите мне об этом. Хорошо?

— Да, мама.

— Конечно.

Сердце Кэтлин всё ещё беспокоилось. Но причин подозревать незнакомку в чём-то дурном у неё не было. Детям она привыкла говорить правду. Время покажет, стоит ли им бояться своей новой помощницы.

Какое-то движение на горизонте неожиданно привлекло её внимание. «Как быстро Мия возвращается», — подумала женщина. Но спустя некоторое время она различила очертания уже нескольких всадников.

— Майкл, Габриэль, идите домой! — громкий голос нарушил устоявшуюся тишину.

Дети знали этот тон и быстро удалились с улицы. Возле фермы не было никаких дорог, только пустые прерии. Это могли быть охотники, бандиты или индейцы. Кэтлин не нравился ни один из этих вариантов. Всадники направлялись точно в сторону их дома. Ей придётся с ними заговорить. Готовясь к этому разговору, женщина наскоро забежала в дом и взяла отцовский револьвер. Хорошо, что на улице было ещё холодно, оружие удобно устроилось в глубоком кармане пальто, не привлекая к себе лишнего внимания.

Выйдя на крыльцо снова, Кэтлин уже могла разглядеть перья и луки за спиной подъезжающих мужчин. Если это индейская банда, их, безусловно, убьют. Но, возможно, они едут на обычный обмен к дяде. Внезапно страшная догадка мелькнула в голове миссис Браун: уехавшая Мия могла оповестить своих соплеменников. Они ведь даже толком не знали её и так спокойно пустили в свой дом. Подтверждение не заставило себя долго ждать. Знакомая фигура показалась позади мужчин, вызвав горькое разочарование в душе молодой женщины. Если они пришли не с миром, предательница будет первой, в кого выстрелит её пистолет.

Боясь пошевелиться, Кэтлин молча наблюдала за приближением всадников. Вот уже она различала их воинственные лица, наполовину бритые черепа и длинные хвосты, перетянутые верёвкой. Из ушей у них торчали какие-то тонкие кости, кожаную одежду украшали несколько перьев и разноцветная вышивка. Кэтлин старалась не смотреть в их глаза, чтобы не испугаться ещё больше.

Они двигались неторопливо и остановились, не доезжая до дома. Всего пять человек. Один из них спрыгнул с лошади и двинулся в её сторону, сопровождаемый индианкой. На вид он казался самым старшим из группы и, вероятно, был самым уважаемым. На лице его скопилось уже довольно много морщин, но походка сохранила уверенность. Не дойдя несколько шагов до крыльца, он слегка поклонился в знак приветствия и принялся что-то рисовать палочкой на притоптанной земле. Единственное, что женщина смогла там разобрать, это солнце в виде круга с лучами и множество непонятных символов рядом с ним.

— Он пытается сказать, что пришёл с миром, — нарушила тяжёлое молчание Мия.

— Что им здесь нужно? — осторожно спросила миссис Браун, стараясь не выдать своего напряжения.

— Я встретила их по дороге к ферме. Они ехали на обмен к Арчибальду. Не знали, что его уже нет. Если ты не возражаешь, они готовы меняться с тобой.

— Дядя не говорил, что он общается с индейцами.

Белая женщина имела право быть подозрительной. Девушка её не осуждала. К сожалению, не все индейцы приходили с миром.

— Последний раз они были здесь две зимы назад. Потом ушли к родственным племенам на восток и вернулись только прошлым летом. Поэтому твой дядя не ждал их.

— А что они меняют? — подумав, уточнила Кэтлин.

— Обычно они просят ножи, топоры, бисер, пуговицы или одеяла. А взамен предлагают то, что делают или добывают сами: шкуры, семена, соль.

— Что у них за семена?

Для ответа Мия обратилась к индейцу, видимо, на своём родном языке. Со стороны он казался набором непроизносимых звуков, дополняемым множеством жестов. Миссис Браун не слышала раньше ничего подобного и потому удивлённо наблюдала за этим разговором, пока мужчина не обернулся и не махнул группе всадников. Молодой парень тут же соскочил с лошади, прихватив с собой несколько кожаных мешочков, и подбежал к крыльцу, аккуратно развязав их.

— Здесь семена кабачков, тыквы, подсолнечника, фасоли и маиса, — опытным взглядом определила девушка.

— Фасоль у меня есть. А вот остальное может пригодиться.

— Тогда вынеси на крыльцо то, что ты готова им предложить взамен.

Индейцы замерли в ожидании. Нетвёрдым шагом женщина развернулась и зашла в притихший дом. Дети молча взглянули на мать из-за двери своей комнаты, но не шелохнулись, пока она не показала им знаком, что всё в порядке. Только тогда их маленькие сердца прекратили бешено колотиться от страха и немного успокоились.

Индейцы терпеливо ждали, когда белая женщина снова выйдет на крыльцо. Она вынесла старое одеяло и набор разноцветных пуговиц.

— За такое ты можешь просить у них больше, — сказала Мия, разглядывая новое предложение.

Вновь она что-то сказала пожилому индейцу. Тот только глянул на парня, и он моментально принёс ещё один мешочек уже большего размера.

— Они предлагают тебе соль. Они получили её довольно много у родственного клана, поэтому готовы ею меняться.

— Пожалуй, я соглашусь. Скажи им об этом, пожалуйста.

— Ты можешь сделать это сама, — предложила девушка. — Просто кивни в знак согласия и укажи на предложенные тебе товары.

Кэтлин в точности выполнила необходимые действия, опасаясь сделать что-то неверно. Ведь разные жесты могли трактоваться ими совершенно иначе. Но пожилой индеец как будто даже немного смягчился в лице, увидев долгожданный кивок. Он с готовностью выложил на крыльцо все свои товары и присовокупил к ним маленький глиняный сосуд.

— Что это? — удивилась женщина.

— Я сказала, что у тебя есть дети. Они хотят им что-то передать.

Кэтлин, как могла, выразила благодарность своими жестами и улыбкой. Индейцы, видимо, тоже были довольны хорошим обменом. Они поклонились и медленно пошли к лошадям со своими новыми приобретениями.

— Пожалуйста, в следующий раз предупреждай меня, когда приведёшь сюда племя индейцев, — серьёзным тоном произнесла женщина, наблюдая за удаляющимися фигурами.

Ей едва удалось сдержать панику, когда они оказались так близко у её дома. На вид — настоящие головорезы. Одна их внешность могла внушить дикий ужас.

— Я не знала, что они идут к тебе. Я не собиралась с ними говорить, пока не убедилась,

что они двигаются в сторону фермы.

— Разве ты не общаешься с ними? — Кэтлин удивлённо посмотрела на свою собеседницу.

— Нет. Они считают меня слишком белой.

Женщина не нашлась, что на это ответить, молча разглядывая смуглую кожу на лице их помощницы.

— Мама, а что это такое?

Любопытный Майкл высунулся на крыльцо и указывал пальцем на глиняный сосуд. Кэтлин заставила себя расслабиться, чтобы ответить обычным тоном:

— Честно говоря, я и сама пока не знаю. В следующий раз без моего разрешения из дома ни ногой.

— Я слышал, что они уехали, поэтому и вышел, — начал оправдываться мальчик, глядя в сторону матери.

— Давай посмотрим, — дружелюбно предложила Мия.

Крышка из коры легко открылась, и из сосуда послышался вкусный приторно-сладкий запах.

— Это мёд. Лучшее лакомство для индейских детей. Попробуйте и вы.

При слове лакомство из-за двери появилось и второе лицо.

— Мама, можно? — поинтересовалась Габриэль.

— Только давайте я сначала сама его попробую.

Густая тёмно-коричневая жидкость медленно вытекала на язык. На вкус она оказалась даже слишком сладкой. Две пары детских глаз с замиранием сердца наблюдали за этим процессом.

— Ладно, ладно, остальное вы можете доест, — быстро согласилась Кэтлин.

— Он действительно очень вкусный, — обратилась она к индианке.

— Да, я знаю. А пчёлы, которые его собирают очень злые. Не многие индейцы способны добыть его. Поэтому мёд здесь большая редкость. Ещё детей балуют кленовым сиропом. Я кстати привезла с собой немного. Сейчас как раз самый сезон. Всё равно его нужно пить, пока не испортился.

— Только не избалуй их, — попросила женщина, наблюдая за тем, как дети пытаются поделить последние капли.

— А ещё вы можете развести его водой. Тогда точно всё доедите.

Предложение индианки быстро возымело эффект — и дети убежали на кухню. А она продолжила:

— Вчера ты что-то говорила про большое количество работы? — напредила девушка.

— Да. Пора начать ремонт забора. Нужно заменить несколько прогнивших столбов и часть жердей. Сваленного дуба должно хватить с лихвой.

— Отлично. Тогда я положу вещи в конюшню и сразу вернусь.

С этими словами Мия сняла несколько небольших тюков с лошади, легко хлопнув её по крупу. Кобыла тут же, словно по команде, послушно пошла на поиски прошлогодней травы и вечно сухих колючек. Новая зелень только начинала пробиваться из-под замёрзшей земли.

— Ты можешь жить с нами в доме. В конюшне сейчас довольно холодно, — предложила миссис Браун, оглядев нехитрый скарб девушки.

[Купить полную версию книги](#)

Траппер — охотник, который использует в основном ловушки.

Скорняк — мастер по выделке шкур и шитью меховых изделий.

Ясли — кормушка для скота.